

СТАНИСЛАВ ГИМАДЕЕВ

18+

ПРИНЦИП ЧЁТНОСТИ

КНИГА, ПО КОТОРОЙ СНЯТ СЕРИАЛ

[РЕЗЕРВАЦИЯ]

КИОН

Станислав Гимадеев

Принцип чётности

Серия «КИОН в Строках»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74424621
Принцип чётности / Станислав Гимадеев: Строки; Москва; 2026*

Аннотация

Войти можно – выйти нельзя.

Командировочный Сергей случайно оказывается в районе российского города, отрезанного от мира загадочной Оболочкой. Аномалия впускает людей внутрь, но не выпускает наружу, поддерживая число живых чётным. Связи нет, привычные законы не действуют, и каждый выживает по-своему. В поисках способа выйти Сергей понимает: выбраться отсюда мешает не только Оболочка. Куда страшнее люди, для которых эта западня – удобный и выгодный мир.

Книга легла в основу сериала «Резервация» от КИОН.

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	16
Часть вторая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Станислав Гимадеев

Принцип чётности

*Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается по́том и опытом
Безотчетного неба игра...*

О. Мандельштам

Серия «КИОН в Строках»

Книга, по которой снят сериал
[Резервация]

*За помощь в подготовке книги выражаем благодарность
команде онлайн-кинотеатра KION*

© Станислав Гимадеев, текст, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2026

Вместо пролога

Было около полуночи, когда он решил уйти.

В какой-то момент ему стало невыносимо противно и скучно оставаться здесь дальше, в этой шумной компании незнакомых людей. Не хотелось принимать решительно никакого участия в их полупьяных дебатах, несмотря на то что у самого в голове уже изрядно шумело от алкоголя, не хотелось натужно таращиться в телевизор и пытаться разобрать звуки сквозь галдеж в комнате, и уж тем более совершенно не хотелось ни есть, ни пить. Он подумал, что хорошо бы сейчас вернуться в гостиницу, остаться в тишине, прохладе и мраке, растянуться на казенной кровати и забыться до утра. В очередной раз он выругал себя за то, что поддался на уговоры Игоря и потащился с ним сюда в такую распутицу. В результате все равно ничего не изменилось: настроение осталось таким же скверным, как и было, неумолимо приближалось завтра. А оно, это завтра, непременно обещало быть с нудной головной болью и мелкой дрожью в конечностях.

Ну ладно, достаточно, сказал себе Сергей и поднялся из-за стола. Лавируя между спинами, мебелью и дверными косяками, он пробрался к выходу.

В прихожей его настиг Игорь. Лицо его исказилось в немом вопросе.

– Я пойду, – сказал Сергей твердо.

– И куда? – поинтересовался Игорь, почесывая в затылке.

– В гостиницу, – ответил Сергей, вздохнув. – Куда же еще?..

Он стал одеваться и обнаружил сильное нарушение координации. Решение, однако, было принято, и отступать не хотелось.

Игорь закрыл дверь в прихожую, навалился на нее спиной.

– Не дури, Серега... – сердитым тоном произнес он. – Во-первых, ты пьяный...

– Вполне нормален, чтоб дойти, – произнес Сергей упрямо.

– ...во-вторых, поздно, черт возьми! Ты пешком, что ли, собрался топать? Города не знаешь, заблудишься на фиг!

– Здесь недалеко, как-нибудь доберусь. Гостиницу я должен узнать... Проветрюсь перед сном.

Сергей двинулся к выходу, но Игорь встrepенулcя и преградил ему дорогу.

– Вот что! – заявил он. – Я тебя сюда привел – я тебя отсюда и уведу! Очумел совсем? Давай раздевайся. Через час вместе пойдем – и делу конец!

Сергей знал по опыту, что подобные обещания Игоря ничего не стоят, к тому же алкоголь сильно катализировал его упрямство. Он решил схитрить.

– Ладно, ладно, – примирительным тоном проговорил он. – Я только прогуляюсь возле дома. Что-то штормит... Вернусь через пятнадцать минут.

Игорь недоверчиво сдвинул брови, несколько секунд помолчал и сдался.

– Хорошо, – медленно сказал он. – Пятнадцать минут!

Сергей оттеснил его, шагнул к двери и открыл ее.

– И не советую отходить далеко от подъезда!..

Он захлопнул за собой дверь и хотел быстро спуститься по лестнице, но быстро не получилось. Его слегка шатнуло, бросило на прохладную, шершавую стену, и он сбавил темп.

На улице черными параллелепипедами проступали из окружающего мрака приземистые дома, редко унизанные желтыми квадратами светящихся окон.

Микрорайон спал. Фонарей здесь либо не было вовсе, либо они были отключены, и темень походила на деревенскую. Моросивший с утра дождь прекратился, зато усилился ветер.

С минуту Сергей постоял на ступенях подъезда, взад-вперед покачиваясь на каблуках и задрав голову к небу, на котором из-за туч не было видно ни единой звезды. Он попытался вспомнить, откуда они с Игорем сюда подошли, но тщетно. Кажется, они о чем-то спорили, пока добирались, поэтому Сергей не глядел по сторонам.

Он даже подумал: а не вернуться ли? Подышать этак минут пяток – и обратно. Но эта мысль тут же была вытеснена другими: обрывочными, несформированными, говорившими, а почему это, собственно, я должен возвращаться... тут же, собственно, недалеко должно быть... Он плотнее запахнул плащ, шагнул со ступеней в лужу и нетвердой поход-

кой двинулся к узкому проходу между домами напротив. Он помнил, что было какое-то шоссе, которое они по пути пересекли. Однако шоссе за домами не оказалось — за домами вправо простирался деревянный забор, все дальше и дальше. Это обстоятельство не смутило Сергея, рассудившего, что любой забор рано или поздно кончается и почему бы, собственно, данный забор не обойти. Ведь обходили же, собственно, и не такое... Он повернул направо и зашагал по тротуару вдоль забора, даже не оглянувшись, чтоб посмотреть, откуда он вышел. Он уже не думал о том, что отрезает себе все пути назад, что сжигает за собой все мосты, оставляя за спиной такие похожие в своей ночной серости здания. Он почему-то думал о глупой романтике ночных прогулок, о здешней погоде, которая абсолютно не похожа на майскую, и о прочей несвязной ерунде... А потом наступил туман...

Он обнаружил себя стоящим у стены какого-то дома, упершимся в нее руками, с широко расставленными ногами, словно при обыске. Его слегка мутило и потрясывало от холода. Порывами налетал ветер. Забора нигде и в помине не было. Зато тянулась дорога, довольно слабо освещенная и совсем безжизненная. На противоположной стороне ее чернело что-то похожее на пустырь, за которым смутно виднелся то ли лес, то ли роща. Нужно было куда-то идти, чтоб не замерзнуть.

Сергей с трудом разглядел впереди по ходу улицы что-то напоминающее перекресток. Подняв воротник плаща, он су-

нул руки в карманы и, съжившись, побрел в сторону перекрестка, не очень надеясь на то, что там что-нибудь прояснится.

У перекрестка ничего не прояснилось. Путь пересекла другая дорога с таким же неясным происхождением, как и первая. Только здесь, на перекрестке, он заметил, что вдоль противоположной стороны дороги простирается ограждение из металлической сетки. Ограждение было высотой в человеческий рост, и ржавая, в водных каплях сетка провисала во многих местах и плохо держалась на покосившихся гнилых деревянных столбиках. Ограждение тянулось как до, так и после перекрестка, и с той, и с другой стороны растворяясь в сумраке ночи. Назначение сетки казалось Сергею совершенно необъяснимым, поскольку за ней, похоже, не велось никаких строительных работ. По крайней мере, он их не заметил, как ни пытался всмотреться в темноту за проволокой. Он увидел лишь темные массивные фигуры разноэтажных жилых домов с редкими вкраплениями освещенных окон, размытые пятна огородов частного сектора, административное здание, автобусную остановку – словом, ничего, от чего стоило бы отгораживаться металлической сеткой. Вдали, в глубине одиноко торчал высотный дом, и Сергею взбрела в голову мысль, что этот дом вполне может оказаться гостиницей, где его ждет не дождется постель.

Оглядевшись еще раз в надежде найти живую душу, Сергей пересек дорогу по направлению к ограждению. Именно

здесь, на перекрестке, сеточная полоса имела разрыв шириной метра полтора, и через него почти на дорогу вылезала длинная и узкая лента транспортера. Сергей подошел и тупо рассматривал ленту несколько минут. Транспортер был самый заурядный. Располагался он на уровне пояса, и по эту сторону ограждения высывался лишь его конец длиной не более трех метров. По ту сторону сетки длинная, черная, латаная-перелатаная резиновая лента протянулась метров на десять или пятнадцать. На том же конце располагался привод транспортера, прикрытый от дождя кожухами, рядом торчала маленькая покосившаяся строительная будка, от которой к транспортеру тянулись кабели.

На какое-то время Сергеем овладело смешанное чувство удивления и сомнения. Он не мог понять, на кой черт здесь этот транспортер с этой будкой и на кой черт в этом обыкновенном районе протянута ограждающая сетка. Очередной порыв ветра рассеял сомнения и придал решимости.

Сергей, кряхтя, вскарабкался на ленту транспортера. Он немного постоял на нем, пару раз подпрыгнул, сделал несколько шагов и остановился. Ему показалось, что сквозь щели будки пробивается еле заметный тусклый свет.

– Эге-гей!.. – крикнул он хрипло. – Есть кто живой?!

Несколько секунд он прислушивался и совсем было собрался идти дальше, как вдруг внутри будки послышался глухой стук, и наружу, скрипнув дверью, выскочила приземистая фигура в телогрейке.

– Привет, друг! – сказал Сергей. – Я тут немного заплутал...

Фигура словно в оцепенении приблизилась к транспортеру. Это оказался заспанный, взъерошенный парень, с виду ровесник Сергея. Кроме телогрейки, на нем были рабочие штаны и короткие резиновые сапоги. Их разделяло около десяти метров.

– Ты кто? – удивленно и, как показалось Сергею, немного испуганно спросил парень.

– Прохожий... – ответил Сергей. – Мне в гостиницу надо.

– А че ты... на этом стоишь?.. – Парень непонимающе показал на транспортер. Ежась от холода, он втянул голову в плечи.

– Это запрещено? – осведомился Сергей. – Понимаешь, я нездешний. Гостини...

– А ты тут откуда? – выпалил парень, начиная волноваться.

– Ну, как сказать... – озадаченно проговорил Сергей и пожал плечами. Он начинал мерзнуть.

– Так ты оттуда, что ли, пришел?! – вдруг воскликнул парень и махнул рукой в сторону перекрестка.

– Ну да, – сказал Сергей. – А что, собственно, в этом такого? Я же говорю: заблудился.

Парень издал что-то нечленораздельное и стал озираться по сторонам. Даже сонливость в одно мгновение исчезла с его небритого лица.

– Ты чего стоишь-то? – проговорил парень каким-то странным, замирающим тоном. – Ты иди сюда... Вот ведь, елки-палки... Слезай давай!

Сергей прошагал по транспортеру, спрыгнул на землю и приблизился к нему. Помятое лицо парня имело какое-то странное выражение. Сергей даже перестал мерзнуть.

– Скажи, как добраться до гостиницы, – сказал Сергей, – и я пойду себе дальше.

Парень лихорадочно замотал головой и открыл дверцу будки.

– Зайди, это самое... согрейся, что ли! – забормотал он. – Я сейчас... Я расскажу... Проходи!

Сергею не хотелось связываться с этим странным типом и тем более спорить с ним, и он покорно ввалился в будку.

– Ты подожди, я сейчас... – сказал парень приглушенно у него за спиной. – Садись, не стесняйся.

– Ты куда, друг? – обернулся Сергей.

Парень стоял в проеме, придерживая дверь, и переминался с ноги на ногу.

– Да я это... На секунду! – нетерпеливо обронил он, косясь куда-то в сторону. – Приду и все объясню, ага? Обожди чуток...

Прежде чем Сергей успел что-либо ответить, парень исчез, и дверь, скрипнув, захлопнулась.

Сергей недоуменно пожал плечами и осмотрел будку. Половину ее занимал обшарпанный стол, на котором валялась

замусоленная колода карт, книга учета в картонных коробах, обрывки газет с пищевыми крошками и грязный, заляпанный стакан. Вплотную к столу примыкала широкая скамья, одновременно служившая, видимо, и кроватью. На нее был брошен старый ободранный матрац. В углу на гвозде грудой висела спецодежда, рядом стоял рулон рубероида, лом и лопата. Под столом гудел мощный строительный обогреватель. Все это убранство освещала запыленная лампочка. В будке было тепло.

Цокнув языком, Сергей уселся на матрац. Снаружи не доносилось никаких звуков, кроме порывов ветра. Он помассировал руками шею и зевнул.

Прошло еще несколько минут. Он встал и выглянул из будки. В лицо ему недружелюбно ударил ветер. Парня в сумерках нигде не было видно. Нырнув обратно, Сергей опять сел на скамью и привалился спиной к стене.

– Ну? – изрек он в пустоту. – Что дальше?

Он уже согрелся, и страшно не хотелось опять выходить в эту промозглую темноту. Прошло еще минут пять, а может, десять. Парень словно и не думал появляться. Тепло разморило Сергея не на шутку, и его стало упорно клонить в сон. Ладно, думал он, зевая, почему бы и нет? Чем вам, собственно, не гостиничный номер? Не люкс, конечно, но могло бы и этого не быть. Давайте же будем извлекать пользу из того, что имеем... Ценить, э-э, синиц в руках... Обитатель этого номера, похоже, канул в неизвестность, благородно уступив

свое койко-место. Он, правда, не сменил постельное белье, ну да бог с ним, с постельным-то бельем, не до жиру, знаете ли... На безрыбье, знаете ли...

Сергей обнаружил, что он уже лежит на матраце, и у него нет никакого желания с него вставать, и что там происходит сейчас в мире, его совершенно не касается. Ему было тепло, ему было мягко... Он даже не успел подумать, что случится, когда обитатель будки вернется, ибо это была слишком сложная мысль для его меркнувшего сознания.

Часть первая

Резервация

*Пойми значение сменяющихся дней.
Чем ты внимательней, тем речи их слышиней.
Все, что случается, поистине похоже
На то, что видел мир, когда он был моложе*

Абу-ль-Аля аль-Маарри

Его разбудил шум снаружи. Открыв глаза, Сергей увидел потолок, покрытый облупленной краской, и прямо над собой – широкую пыльную полосу света, бившую из грязного оконца. Никого, кроме него, в будке не было. Он пошевелил затекшей шеей и прислушался к звукам снаружи. Кто-то что-то выкрикивал в отдалении, перемежая слова матом. Совсем рядом надрывно, с интервалом в несколько секунд, сигнализировала машина.

Сергей взглянул на часы. Полдесятого утра. Опасаясь резких движений, он сел. Самочувствие на первый взгляд было ничего, не считая, конечно, сухости во рту и тупой толчкообразной боли в затылке. «Романтик хренов», – буркнул он и стал растирать лицо ладонями.

За пределами будки произошло оживление. Кто-то смачно свистнул, а потом заорал: «Яшка, заводи шарманку!» Ма-

шина издала еще один протяжный гудок. Забúхали шаги, и в будку заглянул небритый тип в засаленной кепке, брезентовой штормовке и с сигаретой в зубах.

– Яшка где?! – выпалил тип хрипло. – Отпускать машину-то надо!

– Понятия не имею, – медленно проговорил Сергей и пожал плечами.

Тип выматерился, хотел было выйти, но потом пристально уставился на Сергея, не переставая дымить.

– Ты вообще кто? – почему-то спросил он с сомнением на лице. – Конторский, что ли?

– Я не конторский... – сказал Сергей, зевнув. – А почему...

– А кто? – опять спросил тип. В этот момент машина снова засигналила. – Тьфу ты, мать твою!.. – рявкнул он. – Куда Яшка-то подевался?! Почему этого гада нет на месте?!

Плюясь и ругаясь, он выскочил из будки. Было слышно, как он пытается кому-то что-то втолковать.

Забавно, подумал Сергей. Похоже, что парень, приютивший его, так и не появлялся. Он осмотрел свой наряд: брюки и плащ, разумеется, были измяты. Пить хотелось все сильнее. Итак, первым делом надо добраться до гостиницы, привести себя в порядок, выпить таблеточку... Хватит расслаиваться, сказал он себе, встал, потянулся, хрустнув суставами, опять зевнул и вышел из будки.

В противовес нескольким последним серым и слякотным

дням светило робкое солнце. Ветер смилостивился и стих.

Выяснилось, что будка и транспортер располагались прямо у дороги, тянувшейся сюда с самого перекрестка. На противоположной стороне дороги чуть поодаль сиротливо стояла крытая автобусная остановка из бетонных плит. Машин оказалось целых две. Грузовик с открытым верхом находился совсем рядом, по эту сторону транспортера, перед будкой. Кабина с распахнутой дверцей пустовала, а задний борт был откинут. Точно таким же образом, только на противоположном конце транспортера, почти на перекрестке, стоял грузовой фургон. Возле распахнутого борта скучали в ожидании две фигуры.

Сергей опять удивился, зачем и кому понадобилось создавать себе дополнительные проблемы и перегораживать металлической сеткой дорогу, по которой, вне всякого сомнения, когда-то ездил городской транспорт. Высотный дом, который он приметил ночью, теперь, при дневном свете, оказался жилым и при всем желании никак не походил на гостиницу. Это слегка огорчило Сергея. Ну и что теперь, родной, подумал Сергей озабоченно. Дальше-то что?

Он неторопливо приблизился к машине без водителя и обогнул ее. Метрах в пятидесяти стояло светло-желтое двухэтажное административное здание. В некотором отдалении от него переминались двое. Один из них, высокий парень в черной униформе, второй – небритый тип в штормовке, который заглядывал в будку. Тип в штормовке что-то эмоци-

онально объяснял человеку в форме и по очереди показывал рукой то на будку, то на машину за ограждением. Сергей медленно направился к ним. Пока он приближался, тип в штормовке махнул рукой, отстал от человека в форме и промчался мимо Сергея, бросив подозрительный взгляд. Видок у меня, должно быть, что надо, подумал Сергей, ощупывая щетину.

Ростом человек в форме оказался чуть выше Сергея; был он темноволосый, коротко стриженный, и на вид ему было около тридцати лет. На боку висела кобура с пистолетом и рация, но почему-то не было никаких лычек на погонах серой форменной куртки.

– Здравствуйте... – сказал Сергей, останавливаясь перед ним.

Тот коротко кивнул в ответ. Он очень уж пристально стал осматривать его с ног до головы, отчего Сергей почувствовал себя неуютно.

– Не подскажете, как добраться до гостиницы? – осведомился он.

– До гостиницы? – удивленно переспросил человек в форме, приподняв брови. У него были живые карие глаза, и они смотрели на Сергея как-то странно.

– Я первый раз в вашем городе, – пояснил Сергей. – Понимаете...

– То-то я смотрю, лицо незнакомое... – проговорил человек в форме и задумчиво нахмурился.

– А вы знаете в лицо всех в городе? – осторожно поинтересовался Сергей.

Человек пропустил его вопрос мимо ушей. Он оглянулся по сторонам, затем снова впери́л в Сергея внимательный взгляд. Лицо его уже не было хмурым, оно было серьезно-сосредоточенным.

– Ничего не понимаю, – произнес он медленно. – Как же вы проникли на нашу территорию?

– На какую это – вашу? – не понял Сергей. – В каком смысле?

– На территорию резервации, – пояснил человек в форме. – Вы что, сетку не видели? Вы сюда что, сквозь нее прошли?

– Почему – сквозь?.. По транспортеру, – озадаченно сказал Сергей. – Я же говорю – приезжий... Ночью искал гостиницу... Погодите... Какая еще резервация?

– Ах, по транспортеру, – удивился человек в форме. – Невзирая, понимаешь, на ограждение. – Он сокрушенно покачал головой. – По транспортеру! – повторил он, вздохнув. – Нарочно не придумаешь.

Сергею все это уже начинало не нравиться.

– Что значит «резервация»...

– Погодите, погодите! – поспешно перебил его человек в форме. – Сначала расскажите все по порядку.

– А вы... – Сергей попытался найти погоны или еще какие знаки на странной форме собеседника.

– Местная полиция. Я слушаю.

Сергей растерянно пожал плечами и стал рассказывать. Пока он говорил, лицо полицейского становилось все серьезнее и сумрачнее. Он уже глядел не на Сергея, а куда-то вдаль, в сторону перекрестка, и все время покусывал нижнюю губу.

Когда Сергей закончил, он снова вздохнул и произнес:

– Теперь все понятно.

– Что понятно? – спросил Сергей. – Мне, например, ничего не понятно.

– Все понятно, – повторил полицейский и посмотрел на Сергея с сочувствием. – Даже не знаю... Хоть смейся, хоть плачь. А почему вас никто не предупредил?

– О чем?

– О том, что в городе существует резервация.

– Не знаю... – протянул Сергей хмуро. – Не понимаю.

Возникла некоторая пауза. В голове Сергея торопливо заворочались мысли. Полицейский продолжал пристально изучать его.

– Погодите... – обмирая, вымолвил Сергей. – Это те резервации, о которых писали?

– Да-да, о них.

– Но как же... – ошеломленно выдохнул Сергей и осекся.

В памяти его лихорадочно стали всплывать обрывочные сведения прошлых лет на эту тему, полученные из газет, телевидения... Стремительно начало нарастать волнение в груди.

– Нет, я, конечно, помню... – пробормотал он. – Много шумихи было... Но... Сейчас же молчат... Сколько лет-то прошло!

– Сейчас, конечно, молчат, – кивнул полицейский. – Но резервации от этого, к сожалению, не исчезли. Просто про них забыли. Привыкли...

Сергей попытался собраться с мыслями. Это получалось плохо. Сердце стало гулко колотиться, где-то внутри разрастался мерзкий, противный холодок.

– Стало быть, я не смогу отсюда выйти? – спросил он.

– Угу. – На лице полицейского возник оттенок сочувствия.

– Почему? – выдавил Сергей.

– Такой, понимаешь, закон. – Полицейский пожал плечами. – «Принцип четности» называется.

– Принцип четности... – повторил Сергей и облизнул губы. Во рту было сухо. – Как это понять – закон?

– Ну, правило такое. Понимаете?

– Правило... – пробормотал Сергей. – Ничего я не понимаю... Погодите!.. Ладно... А что мне может помешать? – взволнованно спросил он. – Ну, выйти отсюда... Или – кто?

– Оболочка не пропустит.

– И где же она?

– По периметру резервации, – ответил полицейский. – Где же она еще может быть?

– Она что, невидимая?

– Разумеется. Была б она видимой – на кой бы ляд тогда ограждение поставили? Логично?

– Логично, – упавшим голосом сказал Сергей. – Все равно ни черта не понимаю!.. Как я тогда сюда зашел? Без всяких Оболочек!

– Сюда – да, – кивнул полицейский. – Сюда зайти проблем нет! А вот обратно... В этом и есть фокус-покус. На то она и резервация.

– Бред какой-то, – сказал Сергей.

Он стоял в полном ошеломлении. То, что он узнал, не умещалось в его голове. Никаким образом не укладывалось. Просто не хотело, не желало укладываться. Все у него внутри сопротивлялось этому, кричало и протестовало. Полицейский извлек из кармана пачку сигарет, предложил Сергею. Он отказался. Полицейский закурил, задумчиво глядя в сторону транспортера, где продолжали ждать две машины.

Затем он проговорил:

– Давно у нас такого не было. Чтобы кто-то случайно попался... Ну, местные-то все знают, не первый год кувыркаемся. Специально сетки протянули, специально же! Транспортер вообще, по идее, единственное место, где можно зайти. Ведь надо же, а! Просто роковое стечение обстоятельств.

– Роковое стечение... роковое стечение... – зашептал Сергей. Он не знал, что делать. Его стало охватывать отчаяние. – Слушай! – Он схватил полицейского за рукав. – Ты это все серьезно? – От волнения он не заметил, что перешел

на «ты». – Ты не шутишь?

– Тебя как звать?

– Сергей...

– Меня Кирилл, – сказал полицейский и протянул руку. – Будем знакомы. – Он сделал паузу, потом сказал, опустив глаза: – Я не шучу, Сергей. Многие в резервации хотели бы, чтобы это были шутки... Но, к сожалению, это горькая правда.

Видимо, на лице Сергея было написано сомнение, потому что Кирилл спросил:

– Не веришь?

Сергей не ответил. У него не было слов.

– Можешь проверить, – сказал Кирилл спокойно. – Все сомнения отпадут сразу. Хочешь?

– Хочу, – сдавленно сказал Сергей.

– Тогда пошли на транспортер, – решительно сказал Кирилл. – Попробуй выйти обратно.

Сергей молча развернулся и решительно двинулся к транспортеру. Кирилл последовал за ним.

– Я только предупреждаю, – торопливо говорил он, идя рядом. – Во-первых, ты не дойдешь до сетки. Это потому, что граница находится ближе, где-то посередине транспортера. Во-вторых, это будут очень неприятные ощущения... Слышишь?

Сергей хранил молчание. Лицо Кирилла приобрело очень серьезный вид.

– Слышишь меня, Сергей? – переспросил он. – Иди медленно и будь осторожен. Ты понял?

– Понял... – обронил Сергей. От этого деловито-рассудительного тона Кирилла на душе у него стало еще противнее.

Возле транспортера уже сустились трое мужиков, включая небритого типа в штормовке. Подойдя к транспортеру вплотную, Сергей замешкался, оглянулся на Кирилла. Тот кивнул. Сергей запрыгнул на ленту. Конструкция, скрипнув, слегка качнулась под ногами.

– Эй-эй, ты чего?! – выпалил один из мужиков. – Сдурел, что ли?!

Не обращая на него внимания, Сергей сделал несколько шагов.

– Куда ты?! – полетело ему в спину. – Нажрался с утра?!

– Михалыч, че это за хрен такой?

Послышались успокаивающие возгласы Кирилла, и через несколько мгновений мужики притихли.

На том конце транспортера, возле крытого фургона молча и с любопытством наблюдали за происходящим.

– Сергей, я рядом, – слышался участливый голос Кирилла. – Когда станет совсем плохо, сразу возвращайся! С этим нельзя шутить!

Мелкими неторопливыми шагами Сергей продолжал идти по резиновой ленте, прогибающейся под каждым его шагом. Он почти уже достиг середины транспортера, но не чувствовал ничего необычного. Только на душе стало вдруг тре-

можно. Он хотел уже было обрадоваться, что ничего не происходит, что этот парень в форме ошибся, или, может, ему просто сейчас повезет, он дойдет до конца транспортера и спрыгнет... Но по мере продвижения чувство тревоги странным образом переросло в ощущение печали, и с каждым шагом печаль разрасталась внутри как снежный ком. На секунду он, ничего не понимающий, объятый этим чувством, ошарашенно замер. Потом робко сделал еще шаг и еще... Теперь это была уже не печаль, а безудержная тоска, хлынувшая в душу и заполонившая все его существо. Он почувствовал неимоверную тяжесть в груди, застонал, пошатнулся и застыл на полушаге... Ему стало плохо, ему стало отвратительно и гадостно на душе настолько, что захотелось из всех сил взвыть, зареветь, заскулить... Это была не просто тоска, это была вселенская тоска, смертная и жуткая, на части раздиравшая душу и лишаящая воли. «Господи, что же это...» – еле смог прошептать он в отчаянии и схватился рукой за грудь. С усилием он заставил себя сделать еще шаг. Ему показалось, что сердце сейчас разорвется, ноги подкосились, и Сергей упал на одно колено, упершись в резину свободной рукой. К горлу подступил комок, дыхание перехватило, и на глаза навернулись слезы. Он уже ничего не видел и не слышал; ничего не существовало в мире, кроме этой всепоглощающей тоски. Она заполнила каждую его клеточку, она рвалась наружу, она кричала в нем... Все вокруг было совершенно неважно и никчемно, и не хотелось жить с этой

тоской, совсем не хотелось жить. Хотелось умереть, лишь бы избавиться от этого мучительного и невыносимого чувства... Он уже лежал, подтянув ноги к животу, обхватив руками голову, стонал, и его трясло мелкой дрожью. Казалось, только тонкая неуловимая грань отделяет его от потери сознания. Как через ватное одеяло, словно из другого мира то пробивались, то вновь пропадали гулкие слова. Чей-то голос настойчиво повторял: «Назад... назад... назад...» Он плохо понимал, как ему удалось найти остатки животных инстинктов, чтобы в полубессознательном состоянии каким-то образом откатиться, отползти на несколько шагов назад по ленте. Он смутно помнил, как его схватили за ноги и потащили, а чьи-то руки сняли его с транспортера...

Когда он окончательно пришел в себя, то обнаружил, что сидит на скамейке, в полумраке заброшенной автобусной остановки. Напротив, через дорогу виднелась будка и грузовик. Там уже вовсю кипела работа. Транспортер скрежетал и тархтел. По нему двигались какие-то большие, тяжелые деревянные ящики, и туда-сюда сновали фигуры грузчиков. Рядом с Сергеем сидел Кирилл и курил, наблюдая за погрузкой.

Заметив, что Сергей пошевелился, Кирилл повернулся к нему и спросил:

– Ну, ты как? Отошел?

Сергей ничего не ответил, подтянул ноги под скамейку и дотронулся ладонями до лица. Оно было мокрое от слез, и

он стал размазывать их по щекам. Все кошмарные ощущения исчезли, осталось лишь чувство полнейшей опустошенности и легкой слабости внутри. Голова болела еще больше, чем раньше, и пить хотелось еще сильнее. На какое-то время им овладело чувство полного безразличия к себе и своей судьбе. Сейчас он был рад и тому, что кончился весь этот ужас, который он только что испытал.

– Скоро пройдет, – заверил Кирилл. – Потерпи.

Они молчали около минуты, потом Сергей сипло спросил, тяжело ворочая языком в пересохшем рту:

– Что это было, а?

– Оболочка, – ответил Кирилл. – Она тебя не пропустила, как я и предупреждал. Хорошо, что мы были рядом. Провалился бы дольше – потом отлеживался бы день или два... А то и вообще мог бы концы отдать.

Сергей наклонился и закрыл лицо руками.

– За что мне это?... – прошептал он.

– Тебе просто сильно не повезло, – сказал Кирилл сочувственно. – Чистая случайность.

Господи, думал отрешенно Сергей, ну чем я перед тобой провинился? Почему мне никто ничего не сказал? Ни одна сволочь вчера не сказала... Хотя почему я так уверен? Сам же слинял по-английски, сам! Они, может, только и ждали, когда ты пойдешь, чтоб начать предупреждать и объяснять, что туда ходи, сюда не ходи... Маразм. Идиотизм. Но Игорь-то! Неужели и он ничего не знал? Или тоже вылетело из го-

ловы?... Под водочку, под виски, знаете ли, многое может вылететь... А, собственно, какая теперь разница, кто виноват да почему так, а не эдак? Сейчас надо думать, что делать...

Он медленно отнял руки от лица и посмотрел на Кирилла. Тот затоптал окурок и поправил кепку.

– Скажи... э-э, Кирилл, – проговорил Сергей уныло. – Вот что мне теперь делать?

– Главное, ты успокойся, – ответил Кирилл. – Не пори, понимаешь, горячку. Теперь ты понял, что отсюда нет выхода. Это происходит, кстати, не только на транспортере. Это в любом месте, где ты попытаешься пройти через Оболочку. Картина везде одна и та же.

– Спасибо на добром слове, – хрипло обронил Сергей.

– У тебя был один-единственный шанс вернуться, – вдруг сказал Кирилл. – Сразу, как только ты вошел.

Сергей резко выпрямился и развернулся к нему.

– Это как? – спросил он хмуро.

– А так, – сказал Кирилл. – Тоже такое правило. Понимаешь, когда ты прошел оттуда через Оболочку, в ней образовался Проход. Временный, понимаешь? Ненадолго. Как дырка... Кто-то через нее может выйти. Но один! Потом Проход закрывается. Если бы ты сразу вернулся, то ничего бы не было. Но через дыру ушел Яшка, Проход закрылся, а ты остался.

– Вот же сукин сын... – вымолвил Сергей мрачно.

– Яшка всегда был дерьмо, – сказал Кирилл. – Я давно его

знаю. Теперь, наверное, считает себя самым везучим в мире. Говорил я им: уберите вы его, блин, от транспорта! Ведь дождетесь, что спорет какую-нибудь лажу... Вот и пожалуйте.

– Почему только один может через Проход выйти?

– Ну не знаю, – развел руками Кирилл. – Принцип четности, вот и все. Это не мы придумали. Только не спрашивай – кто! На это тебе никто не ответит.

– Да я и не спрашиваю... – тяжело вздохнул Сергей и откинулся на холодную каменную стену. – Я не знаю, что мне теперь делать и куда бежать.

– Бежать тебе, по идее, некуда, – заверил его Кирилл. – Тебе сейчас надо привыкнуть, обжиться и так далее... Ты здесь надолго.

– На сколько? – тихо вымолвил Сергей.

– Этого тоже никто не знает, – сказал Кирилл, помолчал и добавил: – Сергей, тут у нас в резервации много всяких дуростей... Мы сейчас знаешь как поступим? Я тебя в мэрию провожу, все равно тебе туда надо сперва. На учет встать и остальное... Вот она. – Он показал пальцем через дорогу на желтое административное здание. – Это мэрия нашей резервации. Объяснишь, значит, там все, расскажешь про себя, ну и так далее... Ты как себя чувствуешь? Идти можешь уже?

– Пошли... – Сергей поднялся.

Они вышли из недр остановки и, наискосок пересекая дорогу, зашагали к желтому зданию. Сергей нашарил в кармане

плаща жевательную резинку и сунул в рот. Он еще не совсем отошел от шока и все происходящее воспринимал слегка отстраненно. Главное для него сейчас было не замкнуться на собственных мыслях, не остаться наедине с собой, когда не замкнуться на них было бы очень сложно.

Они поднялись по выщербленным ступеням парадного входа и вошли в прохладное помещение, освещенное лампами дневного света. Из вестибюля влево и вправо уходили коридоры, в центре, напротив входа широкая лестница велла на второй этаж. Группа подростков с шумом сбежала по ней и, прошмыгнув мимо Сергея и Кирилла, выскочила на улицу. Кирилл увлек Сергея в левый коридор. Перед третьей или четвертой дверью с самодельной табличкой «Мэр» они остановились.

– Я все ему объясню, – успокоил Кирилл. – Мэр у нас мужик что надо. Ты подожди здесь минуту.

Он постучался и тут же скользнул в кабинет, закрыв за собой дверь. Оставшись в коридоре один, Сергей прислонился лбом к прохладной крашеной стене. Ужасно хотелось пить. Ведь это ж надо в такое дерьмо вляпаться, тоскливо подумал он. Уму ж непостижимо... Он попытался отогнать надвигающиеся черной тучей тяжелые мысли, решив переключить внимание на поиски воды. Он знал, что это временно, что эти думы еще овладеют им и душевные муки еще впереди... Но только не сейчас, думал он, только не надо об этом сейчас... Сейчас бы просто воды. стакан, а лучше два или три...

Хоть теплой, хоть хлорированной, хоть пахнувшей ржавчиной, но зато мокрой, очень мокрой, просто фантастически мокрой и фантастически жидкой воды... Сергей поплелся по коридору вглубь в надежде найти туалет, поглядывая на двери, оснащенные такими же, как на двери мэра, самодельными табличками. «Отдел снабжения» гласила табличка на одной из дверей, на другой – «Кадровый отдел», еще дальше – «Транспортный отдел».

Сергей почти дошел до окна в самом конце коридора, как за спиной раздался голос Кирилла:

– Иди сюда!

Сергей вернулся.

Кирилл вышел в коридор, прикрыл дверь и торопливо заговорил:

– Значит, расскажешь о себе... Я предварительно его ввел в курс. Он тебе объяснит, что делать. Мне надо бежать, так что ты дальше сам... Не падай духом, ладно? – Кирилл заглянул ему в глаза. – Сергей, слышишь?

– Постараюсь, – хмуро ответил Сергей.

Кирилл почти бегом устремился по коридору и пропал. Сергей глубоко вздохнул и зашел в кабинет.

Большую его часть занимало несколько столов, классически расставленных буквой «Т», с аккуратно задвинутыми стульями. Несколько стульев стояло вдоль противоположной стены, в углу напротив находился отдельный столик с компьютером и монитором. Два окна занимали почти всю стену

и щедро заливали комнату светом. Стены, окрашенные в голубой цвет, были пусты. Мэр, как и положено, сидел за центральным столом. Это был коренастый мужчина в черном костюме, лет пятидесяти, с седеющими, зачесанными назад густыми волосами и задумчивым взглядом. На столе, кроме огромного количества бумаг и папок, находились еще настольная лампа, телефон, перекидной календарь и канцелярский набор. С правой стороны, в углу кабинета стоял массивный металлический сейф зеленого цвета.

– Здравствуйте, – охрипшим голосом проговорил Сергей.

– Здравствуйте, – сказал мэр и указал рукой на место за столом перед собой. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Сергей прошел, сел за стол и сложил перед собой руки.

Мэр несколько секунд изучающе осматривал его, а потом сказал:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Илья Максимович Посаженов. Я здесь высшее должностное лицо. – Он сделал небольшую паузу. – Кирилл в общих чертах обрисовал вашу ситуацию. Расскажите поподробнее: кто вы и откуда.

Сергей облизнул пересохшие губы.

– Шепилов Сергей Иванович, – сказал он, и мэр тут же записал на календаре. – В ваш город приехал в командировку. Вчера утром. Мы с моим начальником остановились в гостинице... «Заря», кажется...

Сергей второй раз за сегодняшнее утро рассказал о своих приключениях, опустив только недавний эпизод с транспор-

тером. Мэр внимательно слушал его и изредка кивал.

В конце рассказа мэр спросил:

– Вы где живете?

– Далеко отсюда. Очень далеко.

– Семья?

– Есть жена и дочь, но я с ними сейчас не живу.

– А родители?

– Родители есть, оба на пенсии.

– Понятно, – задумчиво проговорил мэр, снова делая какие-то пометки на календаре. – Видите ли, мы должны сообщить о вас. Давайте я запишу адрес. Родителей или кого вы...

– Нет-нет! – поспешно сказал Сергей. – Ничего родителям сообщать не надо, я прошу. И жене тоже. Не надо. Только начальнику, он мой друг, я с ним переговорю, и все. Этого будет достаточно. Только надо узнать телефон гостиницы или вашего парка культуры... Он сейчас уже должен быть там.

– Ничего не получится, – произнес мэр с сожалением. – Телефонная связь не работает. Отсюда нельзя позвонить. И сюда тоже.

– И долго она не будет работать? – спросил Сергей.

– Нет, вы не поняли, Сергей Иванович, – сказал мэр. – Дело не в технике. Просто связи резервации с внешним миром по телефону не существует. Такие, в некотором роде, правила игры.

– Какие еще «правила игры»?! – недоуменно сказал Сер-

гей. Снова возник неприятный холодок внутри. – Опять какие-то правила! Я ничего не понимаю. А зачем у вас телефон на столе тогда?

– Это внутренняя связь, – пояснил мэр, – в пределах резервации. Мы ее сами тянули, когда поняли, что внешняя не работает и никогда не заработает. Пришлось повозиться со всей этой коммутацией. Интернета тоже нет. Так что вот, Сергей Иванович, с внешним миром общение у нас только почтовое.

– Хорошенькое дело... – проговорил Сергей. – Становится все интереснее и интереснее.

– Вы человек у нас новый, – сказал мэр, – вам ко многому предстоит привыкнуть. У нас в резервации хватает, так сказать, местных особенностей и достопримечательностей.

– Которые вы называете правилами игры?

– Не совсем так, – качнул головой мэр. – Правила – это то, что от нас не зависит, то, что нам дано, так сказать, изначально. Их, вообще говоря, немного. Но дело в том, что на основе немногих правил появился уклад жизни многих людей. Со многими особенностями. Особенности гораздо больше, чем правил. Понимаете?

Сергей не ответил. Он ничего не понимал, и это начинало его злить.

– Но кто придумал идиотское правило, согласно которому я не могу покинуть вашу резервацию?

– Не только вы не можете. Никто не может, к сожалению.

Вы теперь всего лишь стали одним из многих.

– Но зачем?! – выпалил Сергей, – Зачем и кому это надо?!
Вы можете ответить?

– Не могу, – сказал мэр. – Я ведь только мэр, а не господь бог. Я могу лишь помочь вам сделать вашу жизнь как можно более достойной на тот период, который вам отпущен. В рамках возможного, разумеется.

– А какой период мне отпущен? – тихо проговорил Сергей. – На сколько я тут застрял, а?!

– К сожалению, этого никто не знает, – сказал мэр, пожав плечами, и грустно улыбнулся. Я прекрасно понимаю ваше состояние. У вас масса вопросов. У меня мало времени, и я просто не смогу ответить даже на малую их часть. Давайте решим насущные житейские проблемы. Говорите контакты вашего начальника.

– Бортников Игорь Владимирович, – пробормотал Сергей. – Директор фирмы «Эола». Понимаете, мы должны начать монтаж игрового оборудования в центральном парке культуры и отдыха. Он сейчас там. Я не знаю, где именно, но найти через администрацию парка можно, наверное...

– Хорошо, – сказал мэр. – Сегодня свяжемся. А родственникам, значит, не желаете?

– Ни к чему, – замотал головой Сергей.

– Как хотите, – сказал мэр, несколько секунд молча что-то обдумывал, затем сказал: – Значит, вам сейчас необходимо решить два основных вопроса. Первое – жилье, второе – тру-

доустройство. Без этого никак нельзя. Вы меня понимаете?

– Да... – не сразу ответил Сергей. Он тупо рассматривал царапины на полированной поверхности стола. Так и хотелось закричать: «Ни черта я не понимаю!!!»

– Сначала вам придется зарегистрироваться, – продолжил деловито мэр. – Такой у нас порядок. Подниметесь на второй этаж. Крыло на эту же сторону, не перепутайте – в противоположном у нас школа. Найдете «Отдел особого назначения». Начальника отдела зовут Кравец Владимир Николаевич. Он определит вас на жительство, поставит на учет... Объяснит вам наши принципы. На вопросы ответит. Теперь с работой. Вам надо будет подойти к нашему кадровику, на этом же этаже, только чуть подальше. Вы кто по специальности?

– Инженер, – сдавленно ответил Сергей. – Электронщик.

– Понятно, – кивнул мэр. – В общем, переговорите с ним и определитесь.

– Скажите, – сказал Сергей уныло, – у вас здесь существуют товарно-денежные отношения?

– А как же? – поднял брови мэр. – Обязательно. Правда, цены на некоторые категории товаров могут отличаться по сравнению, скажем, с ценами во внешнем мире, но... Уж такова местная специфика. Кстати, о деньгах... Раз уж вы в таком положении. Первое время придется туговато. – Он задумался на мгновение. – Здесь поступим следующим образом. Я дам указание бухгалтерии, и вам выпишут матери-

альную помощь. Это будет немного, но лучше, чем ничего. Договорились? Получите, видимо, только после обеда.

– Спасибо, – произнес отрешенно Сергей.

– Подойдете к кассе. Это в противоположном крыле. Больше, пожалуй, ничем помочь не смогу. – Мэр задумался ненадолго и добавил: – И не затягивайте с работой. В конце концов, это в ваших же интересах.

В кабинете наступила тишина. Мэр молчал и внимательно смотрел на Сергея. Из коридора доносились приглушенные детские возгласы. Сергей тяжело и медленно поднялся и задвинул стул.

– Спасибо, – еще раз сказал он со вздохом. – Где тут туалет, не подскажете?

– В другом крыле, – ответил мэр. – Сразу вначале.

Выйдя в коридор и оставшись наедине со своими мыслями, Сергей снова чуть было не впал в беспросветное уныние. Лишь методичные тупые толчки боли в затылке да сухость во рту как-то отвлекали от мрачных дум. Терпеть жажду больше не было никаких сил. Организм нещадно требовал воды, и Сергей поплелся в противоположное крыло.

На этаже было тихо и безлюдно. Откуда-то сверху отдаленно доносился гомон детских голосов. Сергей ввалился в туалет, который он опознал по мужскому профилю на двери, и лихорадочно прильнул к корявой раковине у входа, моля бога, чтоб она работала. Ему повезло, немного поклокота, кран стал выплевывать порциями воду, ту самую, о которой

он мечтал: тепловатую, с привкусом ржавчины и чего-то еще. Отдуваясь и закрыв глаза, он подождал, когда утихомирится сердцебиение, потом сделал еще несколько глотков, ополоснул лицо и привалился спиной к стене.

Ну что, родной, сказал он себе. Что теперь делать будешь? Кому побежишь морду бить, на кого в суд будешь подавать, а? Похоже, что в такие командировки ты еще не ездил. Похоже, если и бывают на свете феноменальные неведения, так это одно из них... Ладно, еще рано вить, сказал он себе твердо. Еще ничего не известно, я ничего толком не знаю. Главное сейчас, во всем разобраться... Не может быть, чтобы отсюда не было выхода! Раз эта сволочь Яшка вышел одним способом, значит, вполне могут быть и другие!.. Должны быть, со злостью подумал он. Нет, так просто я вам не дамся. Я выберусь отсюда, черт подери!

Он закрыл булькающий кран, вышел из туалета и направился на второй этаж. На лестнице его обогнали два пацана с тетрадями под мышкой. Левый коридор оказался заполнен детьми всех возрастов. Поначалу Сергей было удивился, но потом вспомнил, что мэр говорил что-то о школе. Он направился в правое крыло и сразу же наткнулся на нужную дверь. «Отдел особого назначения при мэрии» гласила надпись.

Этот кабинет оказался меньше по размерам, чем у мэра, и содержал всего три стола. Все они были явно рабочими, но два из них пустовали. В кабинете сидел один человек, слева от двери, спиной к стене. Был он под стать мэру, тоже лет

пятидесяти, худощав и высок, что было заметно, несмотря на то что человек сидел. Редкие седые волосы уже стали исчезать с макушки его головы. Одет он был в темно-серый костюм с отливом и на носу имел очки в тонкой никелированной оправе.

– Проходите, садитесь, – произнес человек, глядя на Сергея поверх очков.

Сергей прошел к столу и сел на стоявший сбоку стул. В углу он заметил заваленный бумагами сейф, точно такой же, как в кабинете мэра.

– Владимир Николаевич Кравец, – сухо сказал человек.

– Мне нужно вам рассказывать о причинах моего появления? – осторожно поинтересовался Сергей. Ему очень не хотелось делать это в третий раз.

– Разумеется, – сказал Кравец. – Расскажите, потом я вам дам анкету. У нас каждый человек в резервации подлежит учету.

– Ради бога, – изрек Сергей.

Он собрался с духом и в очередной раз поведал свою историю. Кравец очень внимательно слушал, поблескивая линзами, и иногда задавал вопросы уточняющего характера. Когда Сергей закончил, он произнес: «Хорошо», открыл один из ящичков стола и стал там рыться.

– Честно говоря, их еще надо найти... – прокряхтел он, склоняясь и заглядывая куда-то внутрь. – Давненько у меня никто анкет не заполнял. Вроде здесь были... Ага, вот. –

Он вытащил какие-то бланки. – Возьмите, молодой человек. Пока вы заполняете, я посмотрю, куда бы вас поселить. М-м-да...

Сергей перебрался за стол рядом и рассмотрел бланк анкеты. Он назывался: «Анкета проживающего на территории резервации». Под заголовком стояла графа «Регистрационный номер», далее шли всевозможные вопросы: Ф.И.О., год и место рождения, прежнее место жительства, паспортные данные, подробное семейное положение, состояние здоровья, прежнее место работы, полный перечень родственников, их возрастов и мест проживания...

Сергей покосился на Кравеца. Начальник отдела особого назначения внимательно изучал содержимое одной из папок на своем столе и при этом бубнил себе под нос: «Так, так, так...» Вопросы в анкете оказались далеко не шуточными. Видимо, отдел особого назначения – штука серьезная, подумал Сергей. Круто он берется за учет населения, с размахом... Вздыхнув, он стал заполнять графы.

Когда он дошел до серии вопросов: «Имеете ли вы тяжелые формы заболеваний?», «Имеет ли кто-либо из ваших родственников тяжелые формы заболеваний?», «Употребляете ли вы наркотики?», «Состояли ли вы на учете в наркодиспансере?», то перестал писать и слегка озадаченно спросил:

– Тут вот ряд вопросов медицинского характера. Про родственников зачем-то... На них обязательно отвечать?

– Отвечать обязательно на все вопросы, – с расстановкой сказал Кравец, не отрываясь от изучения содержимого папки. – Если вы в чем-то не уверены относительно родственников – пишите, как помните или знаете.

Сергей пожал плечами. Ладно, подумал он, напишем. Не имел... Насколько мне известно, никто из родни тоже... Не употреблял... Не состоял... Что там дальше у нас? «Имеете ли вы психические заболевания; состояли ли вы на учете в психдиспансере?», «Имеете ли вы склонность к насилию?», «Имеете ли вы склонность к самоубийству?» Сергей негромко хмыкнул. Однако, подумал он слегка удивленно. А впрочем, ваше дело спросить, наше дело ответить. Последними были вопросы о судимостях, связях с криминальными структурами, конфликтах с законом, пребывании за границей, а равно и в других городах России.

В конце анкеты была обширная графа «Причины попадания на территорию резервации». Сергей коротко, в несколько фраз обрисовал свою историю, затем поставил дату и подпись.

– Пожалуйста, – сказал он, подходя к столу Кравца и протягивая ему бумагу.

С минуту тот молчаливо изучал ее содержимое, затем отложил анкету в сторону и воззрился на Сергея.

– Хорошо, – произнес он и в свою очередь протянул Сергею маленький блокнотный листок. – Возьмите, здесь адрес. На листке было написано: «пер. Солдатова, 6 – 17, Галуш-

ко».

– Жить будете у них. Семья – трое человек. Двухкомнатная квартира. Они дадут вам одну комнату.

Сергей растерялся.

– А как же... – пробормотал он и осекся.

– Да вы не переживайте, – успокаивающе заговорил Кравец. – Это все официально и в порядке вещей. Видите ли, молодой человек, в резервации очень много таких, как вы, поселенцев. То есть людей, которые квартируют. Поэтому ничего экстраординарного в вашем случае нет. Все об этом знают, все всё прекрасно понимают. Людям надо где-то жить... Мы подселяем их по возможности к тем, у кого позволяет жилплощадь. Это вынужденная мера, и они обязаны вас пустить. Никакой специальной бумаги для этого не требуется. Я сегодня позвоню кому-нибудь из хозяев и предупрежу.

– Как все просто... – проронил Сергей.

– А в данном случае ничего усложнять не надо, – заверил Кравец. – Понимаете, молодой человек, резервация не такая уж большая, и все друг друга знают. Поэтому ненужных вопросов, как правило, не возникает. У Галушко вторая комната приличная, вы особо их не стесните. Они давно были кандидатами на подселение. Пока им везло, но теперь куда денешься? У нас ведь многие подселенцы живут по двое и трое в комнате. Сами понимаете, не ахти... Я Галушко в свое время предупреждал, чтобы были готовы. Так что здесь никаких проблем быть не должно. Идем далее?

Сергей молчал, кусая губу.

– Идем далее, – продолжил Кравец. – В ближайшие дни вы должны пройти полный и тщательный медосмотр в нашей больнице. Это строго обязательно для всех. Не тяните. И с работой тоже. Вы должны зарабатывать себе на жизнь. Или, может, у вас есть снаружи кто-нибудь, кто может вас материально содержать?

– Где, где? – не понял Сергей.

– Во внешнем мире, – пояснил Кравец. – За пределами резервации.

– Нет никого, – вздохнул Сергей. – Да я и не привык ничего не делать.

– Тогда не оттягивайте. Зайдите к Губину. Это начальник кадрового отдела. Он куда-нибудь пристроит. Ну что, ясны ближайшие планы? – спросил Кравец.

– Планы-то ясны, – сказал Сергей, – зато ничего другого не ясно.

– Сейчас будем разбираться. – Кравец захлопнул одну из папок и убрал ее в стол. Потом он раскрыл какой-то журнал, пододвинул анкету Сергея и что-то списал с нее в журнал. Сергей также заметил, что Кравец в графе анкеты «Регистрационный номер» поставил число «312».

– Итак, м-м, Сергей Иванович Шепилов... – произнес он. – Данные ваши я занес в журнал учета. Ваш регистрационный номер – триста двенадцать. Запомните или запишите.

– Итак, вы что-нибудь знаете о нашей резервации? – осве-

домился он.

– Нет, – ответил Сергей. – Я приезжий. Почему я не могу выйти отсюда?! Я только и слышу о каких-то правилах! Объясните, пожалуйста.

– Конечно, конечно. – Кравец снова повернул голову к Сергею. Авторучка вновь закрутилась в его тонких пальцах. – Скажите, раньше вы не интересовались темой резерваций? Ну, когда о них еще писали в газетах?

– Очень поверхностно, – замялся Сергей. – Можно сказать, что не интересовался.

– Видите ли, – начал Кравец, – любая резервация существует согласно своим собственным законам. Индивидуальным. Можно называть эти законы правилами, нормами или еще как угодно. Мы, например, привыкли называть их принципами. Первый – принцип четности. – Он стал загибать пальцы у себя на руке. – Второй – принцип полупроводимости, третий...

– Поймите, поймите... – выпалил Сергей. – Я так не запомню. Все сразу...

– Хорошо, давайте я вам запишу, – произнес Кравец.

Он взял второй блокнотный листок и стал торопливо на нем писать. Затем он протянул листок Сергею. Там Сергей прочел следующее:

1. Принцип четности.
2. Принцип полупроводимости.
3. Принцип перпендикулярности.

4. Принцип разумности.

5. Принцип однократности.

– Гм... – проговорил Сергей.

– Вы видите, что их пять. Замечу. – Кравец поднял вверх авторучку. – Пять известных нам на сегодняшний день принципов. Не исключено, что их больше, просто мы о них ничего не знаем. Так вот. Принципов пять, но главный один. Остальные вспомогательные... Главный – принцип четности. Суть его в общих чертах заключается в том, что резервация сохраняет свою стабильность только при условии, что число людей на ее территории является четным. Это, так сказать, предопределяющий закон. Фундамент.

Кравец умолк, словно ожидая вопроса, или специально для того, чтобы Сергей смог осмыслить то, что он сказал.

– Зачем это нужно, чтобы число людей в резервации было четным?

– Это такое условие. Оно должно выполняться для сохранения стабильности.

– Что есть стабильность?

– Сейчас объясню, – поспешно сказал Кравец. – Вот, допустим, ваш случай... До вашего появления здесь число человек в резервации было четным, а если точно – тысяча четыреста сорок два человека. С вашим появлением четность нарушилась и ситуация стала нестабильна. Понимаете?

– Честно говоря, не очень.

– Если четно, то стабильно и проблем нет. Как только чис-

ло человек становится нечетным – стабильность исчезает. И возникают проблемы.

– А именно?

– Вы ведь уже слышали о Проходе? Не могли не слышать.

– В общем, да.

– Появление Прохода как раз и связано со стабильностью. Что означает нестабильность любой системы? – спросил Кравец. – Из физики, вспомните... Что происходит, когда нарушается равновесие? Любая система старается вернуться в равновесие, вернуть стабильность? То есть нестабильность в основе своей не может продолжаться долго. Это временное явление. Вот в чем вся штука.

– Стало быть, резервация сама вернет состояние четности? – предположил Сергей.

– Правильно, – сказал Кравец, вновь подняв вверх авторучку. – В этом все и дело! И сделает она это довольно быстро. Несколько часов, и все.

– С помощью Прохода, да? – тут же спросил Сергей. – Резервация образует этот самый Проход, чтобы восстановить четность, я правильно понимаю? Она дает возможность кому-нибудь выйти?

– Не совсем так, – сказал Кравец. – Проход образует не резервация, а тот, кто в нее вошел. Вот вы вошли и нарушили четность. При этом мы получили два явления. Первое: нестабильное состояние в резервации, второе: появление Прохода в Оболочке. Но резервация с помощью Прохо-

да только всего-навсего дает нам шанс. Она, к сожалению, не может заставить никого выйти через Проход или каким-либо образом оповестить об этом.

– Не может?

– Или не хочет. Как вам больше нравится.

– Значит, стоит кому-то выйти через Проход, то он исчезает? Потому что восстанавливается четность?

– Конечно. Четность Оболочка отслеживает мгновенно. Еще ни разу никому не удавалось выйти через один Проход вдвоем. Кононов воспользовался вашим Проходом и ушел наружу, – продолжил Кравец. – Четность восстановилась, Проход закрылся, и все вернулось на круги своя.

– А если бы Кононов не ушел? Вы же говорите, что резервация восстановит четность... Каким образом?

– Вот мы и подошли к самому тяжелому вопросу, – со вздохом произнес Кравец. Это и является худшим вариантом, когда резервация сама восстанавливает четность. Просто кто-нибудь в резервации умирает. Вот в чем дело, молодой человек.

– Просто умирает?... – повторил Сергей недоуменно. – Вот так просто берет и умирает?!

– Видите ли, принцип четности распространяется только на живых людей. Резервации, видимо, проще восстановить четность путем умерщвления кого-нибудь. Дешево и сердито. Вам, может быть, кажется странным, что я говорю об этом так спокойно? Но мы привыкли, это наша реальность. Вам

тоже придется привыкнуть, и не только к этому, поверьте... Теперь вам ясно, чем плохо состояние нечетности? – спросил он. – Это для нас вопрос жизни и смерти. Для каждого!

Сергей молчал в полном потрясении.

– Страшней всего то, что резервация сама решает, кому предстоит умереть. Как она делает свой выбор, мы не знаем. Тайна сия великая есть...

– Что, еще одно правило?

– Скорее – еще одна данность... Это не правило, ибо мы не можем его исполнять. Здесь от нас ничего не зависит. Правило у нас другое: не допускать нечетность! Чтоб тем самым не искушать резервацию. Вот и все.

– Хорошенькое дело... – выдавил Сергей.

– Причем человек умирает без видимых причин, – продолжил Кравец. – Неожиданно и мгновенно. Перестает жить, и все. Конечно, при определенной статистике, наверное, можно было бы вычислить, каким критерием она руководствуется. Или же, наоборот, доказать, что это происходит абсолютно случайно. Но мы же стараемся не допустить, чтобы такая статистика накапливалась. В этом и заключается главная задача, – значительным тоном заключил он, – в меру сил и возможностей самим контролировать четность, не дожидаясь, пока это сделает резервация. Я хотел бы, чтобы вы это хорошо уяснили. Потому что вам тоже предстоит жить в этих условиях.

Он замолчал, не переставая теребить свою авторучку.

Сергей сидел в оцепенении. Вопросы несметным числом рвались из него, лезли друг на друга, мешали друг другу, и это только сбивало с толку. Он даже не мог сообразить, о чем узнать в первую очередь, и только рассеянно хлопал глазами.

– Поэтому, с одной стороны, – прервал молчание Кравец, – это даже хорошо, что транспортерщик оказался рядом и воспользовался случаем. По отношению к вам он поступил, разумеется, по-свински. Иначе, если бы ни он и ни вы не покинули резервацию, то кто-нибудь из жителей не дожил бы до утра. Плюс ко всему получился бы скандал. Подобных случаев не было давненько. Все-таки не первый год живем. Более или менее научились ситуацию контролировать. Теперь вы понимаете, почему так опасны в резервации всякого рода незапланированные гости?

– Пойдите, Владимир э-э... Николаевич... Вы хотите сказать... если я... Это чисто теоретически! – поспешно заметил он. – Что если я возьму, к примеру, и кого-нибудь убью... То возникнет Проход и я смогу выйти отсюда?

– Сможете, – не сразу ответил Кравец и пристально взглянул на Сергея. – Вы это действительно теоретически? – вдруг спросил он.

– Ну конечно! – выпалил Сергей. – Разве вы могли такое подумать?

– А как вы считаете, мог я так подумать или нет, а? – неожиданно сказал Кравец и поглядел на него поверх очков. Эта фраза сбила Сергея с толку, и он замялся в растерян-

ности.

– Понимаете, дорогой мой, – произнес Кравец с оттенком грусти, – в анкете не зря есть вопросы про тяжелые заболевания, склонность к самоубийству, насилие и так далее. Вы должны четко уяснить, что здесь смерть – это нечто большее, чем смерть. Любая смерть – это нарушение четности и стабильности со всеми вытекающими отсюда последствиями. И поэтому смерть здесь не принадлежит одному человеку – она принадлежит всей резервации. И отношение к смерти здесь уже иное. Если бы у нашей резервации были входные врата, как у ада, и, если бы это было в моей власти – я бы высек над ними надпись: «И жизнь твоя, и смерть твоя принадлежат обществу».

– Это жутко, – сказал Сергей приглушенно. – Жестоко...

– Что поделаешь, – сказал Кравец и отложил наконец авторучку. – Кстати, это спорный вопрос: можно ли применять в данном случае нравственные категории. Мы имеем дело неизвестно с чем.

– Ну, да... – поморщился Сергей. – Такие правила... Все время забываю.

– Ничего, привыкнете, – сказал Кравец. – Ну что, голова еще не идет кругом?

– Начинает, – признался Сергей.

– Хорошо, – сказал Кравец. – С принципом четности разобрались. Дальше проще. Принцип полупроводимости. Его вы уже ощутили на своей, так сказать, шкуре. Суть в следу-

ющем. В резервацию зайти можно, обратно – нет. Принципом полупроводимости это явление назвал в свое время, кажется, кто-то из конторских. Видимо, по аналогии с электроникой. Называют его еще принципом «ниппеля». Кому как нравится.

– Я так понимаю, – сказал Сергей, – сюда могло хоть двое, хоть десять человек зайти, да?

– Хоть сто, – согласился Кравец. – Не имеет значения. Существенно лишь одно: четно число вошедших или нет. Если четно, стабильность не нарушится. В любом случае в резервации станет на сто несчастливцев больше. Только и всего.

– Но почему так? – сказал Сергей со вздохом. – Извините, это вопрос не к вам...

– Вот именно. Не я согнал сюда ни в чем не повинных людей, – сдержанно продолжал Кравец. – Не я заставил их приспособливаться к новым условиям жизни. Сам бы все отдал, чтоб узнать, зачем и кому все это надо.

Он вздохнул и сцепил пальцы рук в замок.

– Но не может же быть, чтоб из резервации никак нельзя было выбраться? – проговорил Сергей. – Неужели нет способов?

– Один способ вы уже назвали, – медленно произнес Кравец.

– Я имею в виду приемлемые способы... Разве все так безнадежно?

– Стопроцентной безнадежности никогда не бывает, – от-

ветил Кравец. – И надежда, как известно, умирает последней. Ладно, не будем отвлекаться... Что там дальше?

– «Принцип перпендикулярности», – прочитал Сергей.

В этот момент неожиданно резко заверещал телефон на столе Кравца.

– Одну минуту, – сказал Кравец и снял трубку. – Да. Да... – Было слышно, как в трубке клокочет взволнованная и торопливая речь. Лицо Кравца постепенно приобретало все более озабоченный вид. – Хорошо, – сухо произнес он. – Разумеется, немедленно.

Послышались короткие гудки, и Кравец бросил трубку.

– Прошу прощения, молодой человек, – деловым тоном сказал он, – я должен уйти.

Он выскочил из-за стола, на ходу застегивая пиджак, прошел к шкафу с одеждой и стал надевать плащ. Сергей торопливо, с некоторым замешательством поднялся со стула.

– Давайте отложим на другой раз, – поспешно сказал Кравец. – Мне, к сожалению, сейчас некогда. Зайдите завтра или послезавтра. Если еще будет необходимость... Суть вы уже знаете, а остальное по ходу поймете. Среди людей ведь будете, они расскажут. Но тем не менее, если что-то будет неясно, то приходите.

Он стремительно направился к выходу, и Сергей поплелся за ним. Они вышли в коридор, и Кравец закрыл кабинет на ключ. Детей на этот раз нигде не наблюдалось. Вместе они быстро спустились по лестнице и вышли на улицу.

Недалеко от парадного входа, возле дороги Сергей увидел Кирилла и еще одного грузного пожилого мужчину с одутловатым лицом в такой же черной униформе.

На ступенях Кравец торопливо сказал Сергею:

– Идите сейчас на квартиру, может, кто-то есть дома. В общем, устраивайтесь и привыкайте. Желаю удачи.

Быстро спустившись по лестнице, он крикнул в сторону полицейских:

– Пойдемте, Алексей Петрович!

Грузный мужчина сдвинулся с места, они вместе с Кравцом быстро завернули за угол мэрии и исчезли из виду.

В некоторой растерянности Сергей стоял и держал в руке два листочка: с адресом и с перечнем принципов. Он беспомощно осмотрелся вокруг. Ничего не отличало эти места от любых других в городе. Те же дома, те же улицы и переулки, те же люди, снующие туда-сюда по своим делам... Со стороны перекрестка с транспортером выехал уже знакомый грузовик и свернул между ближайшими домами. То же солнце светило над головой, те же лужи сверкали отблесками – все было тем же самым. И от всего этого становилось жутко, словно ты с головой окунулся в фантасмагорическое видение, в кошмарный сон, и никак не можешь проснуться... Решимость, возникшая было в нем в те минуты, пока он стоял в туалете, куда-то растворилась, вновь уступив место тупому отчаянию, начинавшему медленно, но верно нарастать изнутри. Надо было что-то делать, куда-то идти, как-то от-

влечься, чтоб не дать этому отчаянию завладеть собой. Сергей глубоко вздохнул, спустился по ступеням и подошел к Кириллу.

– Что-то ты бледный, – сказал Кирилл, внимательно оглядывая его. – Поговорил с Кравцом? Он тебе все растолковал?

– Вопросов больше, чем ответов, – невесело отозвался Сергей.

– Ничего, – сказал Кирилл. – Разберешься. Это у тебя что? А-а, – сказал он, взглянув в листок. – Галушко... Пойдем провожу.

Он увлек за собой Сергея, и они стали пересекать дорогу.

– Стой, – вдруг сказал Кирилл, остановив Сергея посередине дороги. – Ты же не знаешь границ резервации. Я тебе покажу, отсюда просто виднее...

– Показывай, – покорно сказал Сергей.

– Короче, – деловито сказал Кирилл. – Резервация – это почти квадрат. По идее, прямоугольник, но разница в сторонах небольшая... Вот смотри, его стороны... – Кирилл вытянул шею, озираясь. – Значит, первая сторона – вон она... – Он выбросил руку в сторону перекрестка. – Это улица Магистральная, ну, по которой ты ночью шел, понял? Грань идет прямо вдоль этой улицы. Это юг. Южная сторона. Уяснил?

– Угу, – сказал Сергей.

– Дальше... Вторая грань идет вон там! – Кирилл махнул рукой в сторону домов, к которым они направлялись. – Па-

раллельно южной. Это, значит, что? Северная сторона. Там у нас железная дорога. Оболочка идет вдоль полотна. Так, теперь две другие стороны. За остановкой несколько трехэтажек видишь? За ними чуть ли не под окнами и идет она, родимая. Видимо, потому что там тоже улица проходит.

– В смысле? – не понял Сергей. – Кто идет?

– Да Оболочка!.. Проходит вдоль улицы.

– Почему обязательно – вдоль улиц?..

– Слушай, – сказал Кирилл сокрушенно, – ты таких вопросов не задавай. Проходит, и все. Хочется ей так! Ты на ус наматывай!

– Ладно, – проговорил Сергей. – Валяй дальше.

– Значит, восток у нас находится между Магистральной и железной дорогой, перпендикулярно им... Сразу за домами, – кивнул Кирилл и развернулся. – Теперь запад. Тоже – между железной дорогой и улицей Магистральной, но подалее отсюда. Во-он там... – Он указал рукой в ту сторону, куда вела дорога, на которой они стояли. – Там сразу за Оболочкой – пустырь, за пустырем – лог. Вот тебе и вся картина... – Он повернулся к Сергею. – Резервация наша невелика по размерам, особенно не разгуляешься. А центр находится как раз там, где стоит вон то здание.

Он показал на серое трехэтажное здание метрах в ста от них и вытащил пачку сигарет.

Кирилл закурил и, глядя на серое здание, со значительностью произнес:

– Это наша контора и есть.

– Какая контора?

– Узнаешь еще. Пойдем, что ли?

Они перешли через дорогу и двинулись в сторону виднеющихся домов, за которыми, по словам Кирилла, проходила железная дорога. По пути они обогнули приземистое одноэтажное строение, на стене которого висела выцветшая вывеска «Магазин».

– Это наш магазинчик, – сказал Кирилл и добавил: – Продуктовый.

За магазинчиком оказался крохотный переулок. На одной из сторон переулочка стояло три дома: прямо – два пятиэтажных, и один, четырнадцатипятиэтажный, виднелся чуть дальше и левее. Они направились к пятиэтажкам.

– Здесь не заблудишься, – пояснил Кирилл. – Жилых домов всего семь штук, не считая частного сектора. А частный сектор ближе к лугу, на западе.

– А что за контора все-таки? – осведомился Сергей.

– Конструкторское бюро, бывший «ящик». Ты думаешь, из-за чего все проблемы с этим подселением-расселением? Из-за конторы! Вот не повезло людям... Когда образовалась резервация, всё бюро пролетело. Вместе со своими сотрудниками. Люди же здесь на работе были! Представляешь, такая куча народу без всего осталась? Без семей, без жилья, без всего, по идее... Пришлось их тогда всех расселять, они ж не виноваты. Да им, прикинь, во много раз хуже, чем мест-

ным приходится. — Кирилл сделал паузу. — Так что такие дела, Сергей. Если подумать, так не окажись здесь конторы, то и половины наших проблем не было бы.

Они свернули во двор крайней слева пятиэтажки.

— Вот и пришли, — сказал Кирилл и выстрелил окурком в кусты. — А в этом доме я живу. — Он показал на соседний дом.

Они вошли в подъезд. Семнадцатая квартира оказалась на первом этаже. Им открыла невысокая худая женщина в домашнем халатике не первой свежести. Далеко не юный возраст, зачесанные назад волосы с проседью, узкое бледное лицо.

— Квартира Галушко?

— Да. — Выражение лица женщины имело оттенок какой-то бесконечной усталости и покорности.

— Позвольте войти?

— Пожалуйста, — безразлично произнесла женщина и посторонилась, пропуская их в квартиру.

Они оказались в крохотной прихожей.

Кирилл негромко прокашлялся и спросил ее:

— Как звать, хозяйка?

Она лишь на долю мгновения удивленно шевельнула бровями, а затем все так же безразлично и тихо ответила:

— Кира Семеновна.

— Очень хорошо, — сказал Кирилл. — Кира Семеновна, принимайте постояльца.

— Вон оно что, — произнесла она, бросив мимолетный

взгляд на Сергея. – На жительство?

Хозяйка снова посмотрела на Сергея, и он опустил взгляд. Ему хотелось провалиться сквозь пол.

– Мы бы вас, Кира Семеновна, не потревожили, – сказал Кирилл, – но случай, понимаешь, неординарный. Человек к нам попал по нелепой случайности.

– А я думаю: «временщик», что ли? – проговорила она после некоторого молчания. Голос у нее был какой-то бесцветный. – Значит, надолго.

– Так что примите человека, хозяйка, – сказал Кирилл и ободряюще подмигнул Сергею. – Любите его и жалуйте. Он человек хороший. Зовут Сергеем.

– Ну что ж... – снова произнесла женщина с покорностью. – Проходите.

– Ты иди, – сказал Кирилл Сергею, – а я побег. Дела, дела... Еще увидимся.

Когда дверь за ним закрылась, Сергей тяжело вздохнул и поднял на Киру Семеновну глаза.

– Вы, пожалуйста, извините... – выдавил он глухо. – Мне так неудобно... что вы... из-за меня...

– Чего уж там, – обронила Кира Семеновна. – Раздевайтесь. Проходите в комнату.

– Спасибо, – сказал Сергей и стал расстегивать плащ.

Она прошла в комнату, сильно сутулясь и шаркая ногами. Раздевшись, Сергей робко последовал за ней. Убранство большой комнаты оказалось небогатым. Старенький диван,

старая мебельная стенка, телевизор, пара стульев и вытертый в нескольких местах палас на полу. Дверь во вторую комнату была прикрыта.

Сергей присел на край дивана и втянул голову в плечи. Он не знал, что сказать этой женщине. Спрашивать ее ни о чем не хотелось. Он стал тупо разглядывать цветастый узор на обоях.

– Мне нужно идти в больницу, – заговорила она. – Я вас одного оставлю. Потом к мужу на гаражи зайду, предупрежу и вообще... Вечером комнату освободим, вещи уберем кое-какие. Раскладушка у нас есть, вы на это уж не тратьтесь, нам она все равно ни к чему. Надо будет только вам со Славкой кровать Сашкину вытащить из комнаты. Да стол еще письменный... Сам-то муж не раньше четырех придет с работы.

– Мне правда неловко, что так получилось... – начал было Сергей угрюмо.

– Ох, да не извиняйтесь уж вы! – негромко перебила его Кира Семеновна все тем же бесцветным тоном. – Небось, не виноваты... Как вас к нам угораздило?

– Чистая случайность, – пробормотал он. – Ночью... темно... – Он вздохнул. – Сам до сих пор поверить не могу. Подурачки все вышло...

– Я сначала подумала, что вы по договору.

– Не понимаю, – сказал Сергей. – Это еще как?

Она не ответила, помолчала немного, затем, покачив головой, сказала:

– Я пойду переоденусь, мне в больницу надо. Спина опять разболелась.

Она стала собираться, снуя туда-сюда по квартире, периодически скрываясь за дверями второй комнаты. Сергей неподвижно сидел на диване. Рассматривать обои надоело, и он стал глядеть сквозь окно в небо. Голова раскалывалась.

Перед уходом Кира Семеновна разъяснила ему, где находится туалет, ванная, и холодильник. Сказала, что можно, если хотите, включить телевизор, а если куда пойдете, то просто захлопните двери... Он поблагодарил ее и попросил таблетку от головы.

Когда она ушла, Сергей подумал о том, что сегодня все, с кем он встречается, куда-то спешат и исчезают, словно связанные неким тайным сговором. Будто бы все так и норовят оставить его наедине со своими терзаниями. Настенные часы показывали пятнадцать минут двенадцатого. Время в это утро тянулось медленно, как в аду.

Он потащился на кухню. Там он нашел в сушилке чашку, налил из чайника воды, выпил таблетку и приблизился к окну. Из него открывался вид на соседний дом, утопающий в зелени деревьев и кустов акации. Двор был пуст и тих. Сергей постоял, глядя на шевелящуюся от легкого ветерка листву деревьев, затем побрел обратно в комнату.

С полчаса он приводил себя в порядок: погладил одежду, умылся. Очень не хватало зубной щетки и бритвы. Когда он выходил из ванной, во входной двери завожился ключ, замок

клацнул и кто-то бодро вбежал в квартиру.

– Ма-ам!.. – раздался высокий голосок.

Сергей вдруг подумал, что сейчас ребенок войдет и, увидев его, заорет от страха, и придется его успокаивать и объясняться и, может быть, снова извиняться. Но ничего этого не произошло. В комнату зашла худенькая сероглазая девчонка лет тринадцати-четырнадцати в джинсовом костюме. В руках она сжимала несколько тетрадок.

– А где мама? – спросила она после мимолетного разглядывания Сергея.

– В больницу ушла, кажется, – проговорил Сергей. – Полчаса назад.

– А-а... – протянула девчонка и положила тетради на стол. – Поня-ятно...

Она присела на стул возле стола и сложила перед собой руки.

– Тебя Сашей зовут? – спросил Сергей.

– Ага. – Она уставилась на него испытывающе. – Вы откуда знаете? Мама сказала?

– Мама, мама... – сказал он. – Видишь ли, Саша... Меня к вам, как бы это сказать, направили, что ли.

– Вы жить у нас будете?

– Ну... В общем, да.

– Поня-ятно... – снова сказала Саша. – А вы в этой... как ее... в конторе работаете?

– Нет, я сам по себе.

Она немного помолчала, хлопая большими черными ресницами, а потом спросила:

– А вы в моей комнате будете жить, да?

Сергей заерзал на диване.

– Наверное... – заставил себя произнести он.

– Поня-ятно.

– Так получилось, Саша, – выдавил он.

Встав с дивана, он опять подошел к окну и снова стал разглядывать двор. Господи боже, думал он тоскливо. Ну неужели это не сон?

– А у нас уже жил один, – сказала Саша. – Только это давно было. Еще в самом начале. Потом куда-то делся. Может, вышел – не знаю. Но я его не видела больше. А мама когда придет?

– Не знаю, – отозвался Сергей. – Она еще куда-то хотела зайти.

– А нас с математики раньше отпустили. К Николаю Олеговичу мама приехала. Завтра, наверное, он опять конфет принесет... Она всегда, как приезжает, всяких сладостей ему привозит, а он нас потом угощает.

– Подожди... – не понял Сергей и повернулся к ней. – Как – приезжает?

– Как ко всем. К вам разве никто не приезжает?

– Вообще-то я тут только первый день...

– А-а... Ну, потом-то будут ведь приезжать! Вы же не один? Вас же будут папа с мамой навещать. Или жена... У

вас есть жена?

– Есть, Саша, есть, – торопливо сказал Сергей. – Ты погоди... Объясни-ка, как они сюда попадают?

– Кто? – не поняла она.

– Ну, те, кто приезжают... Которые навещают.

– Да они же не попадают... – слегка растерявшись, произнесла Саша. – А зачем им сюда попадать? Вы что?! Они же потом не выйдут!.. – Она даже приоткрыла рот и улыбнулась.

– Александра, ты уж извини, – сказал Сергей. – Я тут человек новый и порядков ваших не знаю. Ты не удивляйся, если я какую-нибудь глупость спрошу, ладно?

Она глядела на него и удивленно хлопала ресницами.

– Как же они встречаются? – спросил он. – Или я чего-то не понял?

– Ой, да не поняли, конечно! – воскликнула она. – Вы никогда разве не видели?.. А, вы же первый день – я забыла... Просто стоят и разговаривают! На улице. И плачут еще иногда. Женщины особенно. Знаете, как жалко?

– А передачи, стало быть, через транспортер... – себе под нос проговорил Сергей.

– А? – не расслышала Саша.

Он не ответил.

– К нам тоже иногда Женя приходит, – продолжала Саша. – Это мой брат. В городе живет, совсем отсюда недалеко, возле театра. Знаете, такие там зеленые дома? Они там уже лет шесть живут. Мама тоже сначала все плакала, а потом

привыкла. А вы зачем к нам попали? – вдруг спросила она. – Специально?

– Нет, Саша, не специально, – грустно ответил Сергей. – Я по глупости у вас очутился. Знаешь, бывают в жизни глупые-преглупые случаи. Вроде никто не виноват, а выходит такая ерунда... Хоть стой, хоть падай.

– А-а, знаю, – оживленно откликнулась она. – У нас тоже один глупый-преглупый случай недавно был! Мне Димка из нашего класса рассказывал... Ой! – неожиданно воскликнула Саша, посмотрев на часы. – Мне же в школу надо! Я на физику опоздаю! Я же у мамы только спросить хотела...

Она сорвалась со стула и упорхнула в коридор. Ну вот, еще одна убегает, подумал невесело Сергей.

– А скажете маме, что я после уроков к Кате зайду, ладно?! – крикнула Саша и, не дожидаясь ответа, выскочила за дверь.

В квартире снова наступила тишина. Сергей присел на подоконник и уперся лбом в стекло. Он видел, как вприпрыжку выбежала из подъезда Саша и умчалась по переулку. Перед домом, в песочнице объявилась молоденькая мама с мальчиком лет четырех. Малыш возился с песочными формочками и ведерками, а женщина сидела неподвижно и безразлично смотрела вдоль улицы, покручивая в руках совок. Все было тихо, мирно и спокойно. Господи, подумал Сергей, они же здесь все к этому привыкли! И никому из них не будет дела до моего положения и тем более до моего состоя-

ния. Так, не более чем праздный интерес... О, смотрите: к нам попал новенький! Как же вы так, батенька, невнимательно? Как же вы так неуклюже? Ай-яй-яй... Не повезло вам, молодой человек, но не отчаивайтесь. А у нас тут вот видите как. Несладко, конечно, но жить можно. Видите, живем же, так сказать, плюхаемся – чего и вам желаем. Так что привыкайте, утрите нос, обсыхайте, обтекайте и плюхайтесь, молодой человек. Плюхайтесь с нами, плюхайтесь как мы, плюхайтесь лучше нас... «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться...» Так, что ли? Эх, Гамлет, Гамлет, твоя правда...

Откуда-то появилась муха и стала биться о стекло возле самого его уха. Она одну за другой предпринимала героические попытки вырваться, отчаянно жужжала и неизменно, раз за разом, натывалась на стеклянную невидимую преграду. Сергею это показалось настолько символичным, что он криво ухмыльнулся. Неужели это ты, родной, сказал он себе, слушая периодические мушиные взвизги и щелчки о стекло. Очень похоже, но ведь должна же, черт возьми, существовать разница! Я же, в конце концов, не муха! Этому глупому созданию не хватает чего-то в организме, чтоб подумать, отлететь, осмотреться... Она будет целую вечность долбиться башкой о стекло, до самого своего конца, хотя открытая форточка совсем рядом. Но нет, она будет делать одно и то же, раз за разом, даже не пытаясь эту форточку искать и наивно полагая, что все изменится само собой в один

прекрасный миг. Но ведь я же не муха, снова подумал он, и его вдруг на некоторое время охватила злость. Я же чем-то отличаюсь! Вернее, должен отличаться. Должен... Я пока почти ничего не знаю об этой вашей гребаной резервации, но я узнаю! Я все узнаю и выберусь отсюда. Я так просто не сдамся. Это они сдались, они смирились, они привыкли... Но только не я. Я буду бороться, буду... Я не верю, что отсюда нельзя выбраться. Это только мухам нельзя, а я – не муха! И я найду свою форточку, черт бы ее побрал! Где бы она ни находилась и чего бы мне это ни стоило... Потом злость схлынула, ушла, и Сергей впал в состояние прострации. Он отрешенно глядел на листву за окном, отключившись от мыслей. Он просто сидел и слушал похожие на удары метронома бесчисленные мушиные попытки пробить непробиваемое, а время медленно растворялось и теряло свой ход.

Около трех часов дня с пакетом в руках он вышел из промтоварного магазина, что находился на южной стороне резервации, в первом этаже дома, выходящего окнами прямо на улицу Магистральную. В пакете лежали комплект постельного белья, полотенце и прочие туалетные принадлежности. Настроение у него было унылое. Совсем недалеко отсюда располагался злополучный транспортер и будка.

Сергей стоял, и снова перед ним была она, эта треклятая сетка, простершаяся вдоль дороги всего в каких-то двух десятках метров от магазина. Она была всюду, и справа и слева,

она будоражила своим присутствием, от нее нельзя было отмахнуться, про нее нельзя было забыть, казалось, она и стоит тут больше для того, чтоб постоянно напоминать здешним обитателям о навалившемся на них катаклизме. Неожиданно для самого себя Сергей вдруг двинулся прямо на сетку, стиснув зубы и кулаки. Может быть, где-то в глубине души он надеялся, что сейчас произойдет чудо, и дьявольская Оболочка исчезнет, чары развеются, и резервация выпустит его из своих объятий. Ну вдруг что-нибудь такое там сработает, переключится, отменится... Вдруг... Но чуда не случилось. Примерно на полпути к проволочному ограждению его снова, как утром, охватила беспричинная тревога, быстро сменявшаяся страхом. Сергей сжал в руках пакет с тряпьем и сделал еще пару шагов. И опять, словно в приоткрывшуюся дверь, мощным потоком хлынуло в душу щемящее уныние и стало быстро заполнять все его существо. Ноги задрожали, и он чуть не выронил свои покупки. Заскрежетав зубами, он медленно отступил на шаг. Потом еще на один. Жуткая волна схлынула, откатилась и затаилась, готовая в любой момент наброситься снова. Сердце гулко колотилось в груди, в ушах шумело, а под коленками ощущалась противная слабость.

– Будь ты проклята!.. – прорычал бессильно Сергей и задрал голову к небу, словно ища там утешения или ответа. Но в небе беспечно, будто издеваясь, светило майское солнце.

Как же, должно быть, паскудно жить вот в этом, к приме-

ру, доме с окнами на сетку, мрачно думал он по дороге обратно. По несколько раз в день видеть быющую ключом чужую жизнь совсем рядом, в каких-то двух шагах, и понимать, что эта жизнь не для тебя, что она — это тот локоть, который не укусишь. Изо дня в день наблюдать окружающий мир через эту идиотскую проволоку. Они же здесь, в резервации, как звери в зоопарке. Только зверям гораздо лучше, звери не так разумны, а следовательно, не так страдают...

Эта его вторая встреча с Оболочкой хотя и была кратковременной, все же оставила после себя след. Несмотря на то что сердце успокоилось и дрожь в конечностях унялась, настроение полностью пропало. Он опять был раздавлен, размазан, одернут, посажен на свое место... Он брел машинально, опутив взгляд под ноги, не глядя по сторонам и не понимая, куда идет. Внимания хватало только на то, чтоб кое-как успевать поправлять под мышкой пакет, так и норовивший выскользнуть и шлепнуться в ближайшую лужицу. Когда он в очередной раз попытался вывалиться и Сергей, пресекая эту попытку, едва не растянулся на асфальте, он наконец поднял глаза и обнаружил себя вблизи какого-то заведения. Над его раскрытой дверью болталась вывеска «Бар „Мирок“».

У входа никого не было. Из недр заведения доносилась приятная размеренная музыка. Бар располагался с торца старого трехэтажного кирпичного дома. Прямо через дорогу, метрах в ста виднелось здание мэрии. На этот раз на сту-

пенях парадного входа мэрии и рядом переминалась, перекуривала и гомонила довольно разношерстная и значительная масса народу. Здесь были и люди в спецодежде, и люди без спецодежды, и какие-то чиновники, и очень много детей. Сергей пересек дорогу и приблизился к толпе у мэрии.

Люди говорили о самом разном: о долгожданных переменах в погоде, о том, что в магазин привезли новую партию товаров, но с тем же самым осточертевшим ассортиментом, об очередном сворачивании какого-то заказа, о том, что кого-то ограбили на днях вечером у подъезда и это не первый случай в этом году, о том, что введение нового налога ударит прежде всего по конторским, что бюджет резервации не резиновый, как бы страстно этого кое-кому ни хотелось, что некоторые фигуры в руководстве резервации очень прохладно относятся к предстоящим выборам, о том, что надо поднять вопрос о недопустимости входящей в моду в последнее время привычке отключать электроэнергию во время показа фильма, о том, что пора бы столовским работникам перестать так явно и неприкрыто приворовывать, словно на них нет управы... и еще о многих, многих прочих вещах, часть из которых Сергей понимал не до конца, а некоторые – и вовсе не понимал. Он, впрочем, и не старался вникнуть в смысл того, что доносилось до его ушей, а слушал с некоторым безразличием, и все время в голове крутилась мысль: «Неужели все эти проблемы станут скоро моими? И я, так же как они, буду приходить сюда в обеденный перерыв, на эти ступени и переми-

вать кому-нибудь кости? Изо дня в день?..» Потом он подумал о баре. Надраться, что ли? От такого решения его оставляли последствия вчерашнего возлияния да то обстоятельство, что вечером предстоит утряска дел с семейством Галушко. Однако возвращаться на квартиру сейчас у него не было ни малейшего желания. Зайти, подумал он, посидеть, музыку послушать... Музыка всегда помогала ему отвлечься от мрачных мыслей и скоротать, бывало, часок-другой. Не выгонят небось... Будем считать это продолжением экскурсии.

В баре оказалось довольно уютно и ухоженно. Сразу было видно, что здесь есть хозяин. По всей видимости, раньше тут располагались служебные помещения, но потом кто-то заботливо произвел тут перепланировку, сделал капремонт, переделал интерьер – словом, приложил руку. И это получилось у него очень недурно. Внутреннее убранство бара «Мирок» имело свой стиль и было исполнено со вкусом. Стены были оклеены обоями «под дерево», с потолка свисали две люстры в деревянной отделке, в зале располагались несколько квадратных столиков, тоже в деревянном исполнении. Правда, стулья возле столов были самые обычные, но их обивка была подобрана под цвет, и они не нарушали целостности картины. Напротив стены с окнами, выходившими на мэрию, простерлась длинная стойка, за которой находилось все то, что должно быть за стойкой. Бар оказался пустым. Даже за стойкой бармена никого не было. Медленно

и негромко лилась откуда-то успокаивающая музыка. Пахло выпечкой.

Сергей, озираясь, прошествовал через зал к одному из столиков в углу. Там он устало опустился на стул и запихнул под него пакет с бельем. Будем слушать музыку и созерцать интерьер, подумал он, а то так и с ума недолго сойти. Он облокотился на стол и стал рассматривать его коричневую шероховатую поверхность. Через несколько минут, когда стихла мелодия и наступила пауза, он случайно поднял глаза. Из-за стойки за ним внимательно наблюдал человек.

– Добрый день, – тихо произнес Сергей, выпрямляясь на стуле.

Человек за стойкой слегка шевельнулся, вышел из-за стойки и приблизился к его столику. Это оказался высокий широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой, усами и бакками, тронутыми сединой. С виду ему было сорок с небольшим. Выпуклый лоб был густо изборожден морщинами, а светло-серые глаза смотрели не то с грустью, не то с усталостью. На нем были джинсы и белая трикотажная рубашка с короткими рукавами. Он отодвинул стул, сел напротив Сергея и положил перед собой увесистые кулаки. Когда он сел, Сергей заметил на его макушке легкую лысину.

– Меня зовут Сергей, – представился человек. – Фамилия – Барков. Но фамилия не нужна. Я хозяин этого заведения. Точнее, я и моя жена.

– Очень приятно, – отозвался Сергей. – Меня тоже.

– Что – тоже? – вскинул брови хозяин заведения.

– Зовут Сергеем.

– А-а... Одобряю, – произнес Барков значительно. У него был красивый баритон.

– Уютно тут у вас, – признался Сергей. – Почему только пусто?

– Вообще-то в это время у нас мертвый час. Не так давно обед был... Хотя, бывает, народ и в это время ходит. Ты давно в резервации? – вдруг спросил Барков.

– Совсем недавно, – начал Сергей со вздохом. – У меня к вам большая просьба...

– Стоп-стоп! – Хозяин заведения покачал пальцем. – Не надо называть меня на «вы». Договорились, тезка? Это во-первых. А во-вторых, это у нас вообще не принято. Наверное, эффект замкнутого сообщества. Есть, правда, некоторые исключения, кое-какие люди, должности там... Но ко мне это не относится. Ну, что ты хотел?

– Значит, просьба такая, – сказал Сергей. – Не расспрашивай меня сейчас, ладно? Я от этих расспросов уже устал. У вас всего несколько часов, а только и объясняю... Надоело.

– Ради бога, – согласился Барков. – Расскажешь о себе, когда захочешь. Только по твоему потерянному виду я заключаю, что ты попал к нам не по своей воле.

Сергей с непониманием взглянул на него.

– Разве сюда можно попасть по своей воле?

– Сюда можно все, – заявил Барков, ухмыльнувшись в

усы. – Хочешь есть? Выпить? Тебе, как вновь прибывшему, да к тому же моему тезке – за счет заведения. Так как? Наверняка голоден.

Сергей молча помотал головой.

– Ну просто выпей.

– Да не полезет...

– Прощу прощения. – Барков поднялся.

В баре появились двое посетителей. Хозяин заведения то-ропливо отправился к своей стойке. Посетители забубнили что-то про кофе, коньяк, пирожки и тому подобное. Один из них громко похохатывал и называл хозяина Сержем. Сам Барков деловито позвякивал стеклом за стойкой, затем музыка стала звучать чуть громче. Запахло сигаретным дымом. Вскоре в заведение вошел еще один человек. Чтобы больше не ловить на себе надоевшие любопытствующие взгляды, Сергей опять облокотился на стол, уткнулся лицом в ладони и стал слушать музыку. Похоже было, что звучала какая-то насквозь музыкальная радиостанция. Мелодии поплыли друг за другом – одна, вторая, третья... Они сменяли друг друга без всяких пауз и объявлений. Сергей постарался расслабиться и раствориться в музыке. Благо гомон посетителей был не так громок и не отвлекал. Музыка все-таки смогла увести его за собой на какое-то время, и они остались с ней одни – только он и звук... Он давно выработал у себя эту способность отключаться от окружающего мира с помощью музыки, и она в очередной раз выручала его. Изредка

он поглядывал на то, что происходило в баре, совсем отстраненно и безучастно. Он видел лишь смутные мельтешения в помещении, кто-то приходил, гомонил, уходил, подсаживался к столикам, вставал из-за них, но лиц не существовало, как не существовало и голосов. Он даже не обратил бы внимания, если бы кто-то подсел за столик, но этого не произошло. Так миновало около часа. К действительности его вернул хозяин бара.

Он возник рядом, похлопал Сергея по плечу и поинтересовался:

– Не спишь, братец? Медитируешь? На вот, возьми. – Барков поставил перед ним широкий и низкий бокал, в котором плескалась янтарная жидкость, а рядом выложил крупное желтое яблоко.

Сергей в раздумье перевел взгляд на бокал.

– Пей, – повелительно сказал Барков. – Это коньяк. Хороший. Только на пользу. Разглаживает морщины в душе.

Да и черт с ним, безразлично подумал Сергей. Он в два глотка осушил бокал, потом откусил яблоко и стал медленно жевать. Жгучая теплота быстро спустилась по пищеводу. Барков удовлетворительно кивнул.

– Только музыку не выключай, – попросил Сергей. – И не меняй станцию... Очень хорошо идет.

– Конечно, – понимающе произнес Барков в усы. – Главное – не отчаивайся, Серега. Сначала, естественно, тяжело... Но привыкнешь. Слушай, хочешь принесу пирожков? Уго-

щаю.

– Не хочу...

Было в этом человеке что-то притягивающее. Он словно излучал волны доброжелательности.

– Гляди, – сказал Барков, пожимая плечами. – Если что, махни.

Он снова удалился обслуживать посетителей. Из-за стойки он подмигнул Сергею и немного прибавил звук. Сергей отвернулся к окну и, доедая яблоко, стал смотреть на улицу.

Там за стеклом была все та же мэрия, все та же дорога. Все тот же перекресток с транспортером виднелся невдалеке – все было то же самое. Какие-то люди изредка проходили по улице: кто неторопливо и задумчиво, кто спешно и суетливо; снова прогрохотала грузовая машина, несколько раз на крыльце мэрии мелькнули люди в полицейской форме, кто-то выходил на крыльцо покурить, периодически группками туда-сюда сновали дети... И это будет продолжаться и завтра, и послезавтра, думал он, и год, и два, и вечность... Кто сказал, что это когда-нибудь закончится? Так что, родной, расслабься, привыкай, как тебе все советуют, и получай удовольствие. Какое-то время он тупо и безучастно созерцал происходящее за окном, затем прислонился к стене, прикрыл глаза и вновь отключился, ведомый музыкой. Так прошло еще много времени. Пару раз кто-то невидимый и далекий, ощущаемый лишь по голосу, доносившемуся словно из другой комнаты, интересовался чем-то у Сергея, но он не ре-

агировал и даже не открывал глаз. Справедливости ради надо заметить, что назойливости ни с чьей стороны он не ощутил, даже чье-то участливое прикосновение, также оставшееся без всякого внимания, немедленно растворилось в небытие. Но ничто не длится вечно, и в какой-то момент музыка стала стихать, а гомон в баре – усиливаться. Тогда Сергей открыл глаза.

Посетителей прибавилось: их было уже около десятка, раскиданных мелкими кучками по столикам. Соответственно, прибавилось работы у бармена. Рядом с ним мелькала женщина средних лет. Помещение неумолимо заполнялось запахом табачного дыма, специй и чего-то жареного. Сергей тяжело поднялся из-за столика. Пора было возвращаться в новообретенный дом. Времени было около пяти. Не хотелось больше ничего ни у кого спрашивать и выяснять. По крайней мере, сегодня. Хотелось лишь забыться и ничего не видеть и не слышать, и вообще ничего не ощущать. И еще очень хотелось очнуться вдруг спустя некоторое время без этого мерзкого ощущения безысходности и тоски, без этих парализующих разум эмоций, мешающих трезво мыслить и анализировать ситуацию непредвзято. Глубоко вздохнув, Сергей обхватил пакет и, потупившись, побрел на улицу Солдатова, дом шесть, квартира семнадцать.

Хозяин семейства Галушко оказался таким же ссохшимся и маленьким, как его жена. Он предстал перед Сергеем в потрепанном трико и выдавшей виды рубашке, имел вскло-

коченный и небритый вид, к тому же от него здорово несло водкой и луком.

– Проходи, мил человек, – сирым голосом заговорил он, провожая Сергея в комнату, когда тот разделся. – Как звать-величать?

– Меня зовут Сергей, – ответил Сергей.

– А меня – Славка, – сказал Галушко. – А это моя супруга, Кира Семеновна. – Он махнул рукой в сторону кухни, откуда доносился шум воды.

– Мы уже знакомы, – сказал Сергей. – И с дочкой тоже.

– С Сашкой!? – почему-то изумился Галушко и всплеснул руками. – Сашка, ну-ка, поди сюда!

– Не трогай ее, Христа ради! – послышался из кухни голос Киры Семеновны. – Пусть занимается, у нее завтра контрольная. Выносите лучше вещи.

– Цыть! – беззлобно прикрикнул Галушко. – Будешь ука-зывать, женщина!.. Серега, ты садись на диван, чего встал?

Сергей сел, Галушко пристроился рядом. Саша сидела на противоположном конце дивана с учебником в руках и, казалось, была всецело поглощена подготовкой к занятиям.

– Серега, давай-ка это дело спрыснем, – проговорил Галушко, и у него в руках возникла невесть откуда взявшаяся бутылка водки.

– Извини, но не хочу, – покачал головой Сергей. – Я очень устал.

– Да за знакомство-то грех не выпить! – Галушко закрутил

тощей жилистой шеей и часто заморгал своими выцветшими невзрачными глазками.

– Не приставай ты к человеку, господи! – донеслось опять из кухни. – Ему отдохнуть надо, привыкнуть... А ты сразу с бутылкой лезешь! Не успеешь, что ли?

– Я сказал: цыть! – Галушко слегка притопнул ногой и посмотрел на Сергея. – Ну, погнали? По малой, ага?

– Нет, – твердо сказал Сергей.

– Вещи вынесите! – сквозь шум воды выкрикнула Кира Семеновна. – Пусть человек отдохнет. Ночью, что ли, таскать будете?

Галушко раздосадованно вздохнул и пожал плечами.

– Ну, давай выносить, елки зеленые... Вот бабы вечно лезут, когда их не просят.

Они стали выносить вещи. Из маленькой комнаты в большую перекочевали: детский письменный стол, кушетка, пара полуразвалившихся стульев, несколько пыльных коробок. Нетронутыми остались ковровая дорожка ядовито-зеленого цвета, книжная полка на стене да трехстворчатый шифоньер у самой двери по причине своей фундаментальной громоздкости и отсутствия места во второй комнате.

– Вы уж нас поймите, – сконфуженно пояснила Кира Семеновна. – Если хотите, может, какую занавеску сделать, чтоб вас не беспокоить? Да мы, вообще-то, нечасто в шифоньер лазим... Сами видите – некуда его приткнуть.

– Пустяки, – проговорил Сергей. – Не обращайтесь на меня

внимания.

Они стояли посередине опустевшей комнаты и молчали.

После некоторого задумчивого оглядывания комнаты Кира Семеновна сказала:

– Славка, стул один оставим ему, наверное? Хоть будет на что одежду сложить, так ведь?

Галушко без колебаний согласился и тут же приволок один из стульев обратно. Затем Кира Семеновна загнала его в чулан, что находился в прихожей, и он некоторое время там громыхал и матерился, но наконец вернулся обратно с видом победителя и с драной раскладушкой в руках.

– Во! – сказал он радостно. – Жить можно!

Потом они, кряхтя, долго передвигали и расставляли вынесенную мебель в другой комнате и распахивали по углам и закуткам хозяйское барахло. Во время этой церемонии Галушко предпринял еще две попытки подбить Сергея «пройтись по водовке», но тот был тверд как скала, что в немалой степени удивило хозяина. Когда они закончили, Сергей ушел теперь уже в свою комнату, прикрыл дверь и разложил скрипучую и дряхлую раскладушку.

От всех этих перетаскиваний, сегодняшних переживаний, стрессов и ночи, проведенной не лучшим образом, он заметно устал. У него даже слегка засосало под ложечкой. Он подумал, что будет в состоянии, наверное, уснуть. Останавливало одно – уснув сейчас, он рисковал проснуться очень рано. Времени было восьмой час. Сергей прилег на захрустев-

шую раскладушку и прикрыл глаза. Давненько я не леживал на раскладушках, невесело подумал он.

С полчаса его никто не беспокоил. Потом раздался робкий стук, и появилась хозяйка. К удовлетворению Сергея, она дала ему старенький матрац и подушку, очевидно, из того же чуланчика. От вещей здорово несло смесью чего-то залежалого и затхлого. Сергей поблагодарил ее, не дав возможности извиниться за их столь нетоварный вид. Порывшись в шифоньере, Кира Семеновна нашла для него одеяльце, что практически снимало все первичные проблемы. Пока он разбирался с постельным бельем из магазина и застилал раскладушку, за спиной незаметно как гриб вырос Галушко. Он сопел и в руках держал уже известную бутылку, на треть опустошенную, и граненый стаканчик. Один глаз хозяина был наполовину хищно прикрыт. Сергей со вздохом присел на раскладушку и воззрился на Галушко.

Хозяин дома громко причмокнул и произнес:

– Мне мужики в бригаде все говорили: чего это у тебя, Славик, подселенцев ни одного нет? Что ты, мол, лучше всех, что ли?

Галушко сделал паузу, и Сергей подумал, что он ждет какого-нибудь ответа. Однако хозяин семейства продолжил, размахивая бутылкой перед его лицом:

– Не, ну на самом деле, Серега... Ты сам подумай, у нашенских у всех почти что кто-нибудь из конторских живет. У Витька только нет! Но ему-то еще куда, если они вчетве-

ром... или впятером... не-не, вчетвером, вчетвером!.. в одной комнате живут. Ты сам подумай, ну куда ему?! А, да, еще у Мишки нет... Точно. У него жена парализованная! Вот... А кто ее тут вылечит, скажи, мил человек? Этот доктор наш, что ли? Как у него фамилия-то, черт... На «у» вроде бы... Он же не знает ни фиги, это же тебе не насморк, да и на кой ему это надо?! Дурак он разве пуп-то рвать, ежели он один на всю резервацию? А попробуй отправь ее, жену-то Мишкину, наружу, так такой хай подымут, не отмоешься ни в жизнь. Да, Мишка и сам не хочет. Кто за ней будет смотреть, ухаживать, горшки всякие, туда-сюда?... Еще и неизвестно, вылечат – не вылечат. А у них, по-моему, и родных-то снаружи нету...

Он утих на миг, придвинул поближе стул и сел напротив Сергея.

– А они мне, короче, всю дорогу говорят, ты че, Славка, самый хитрый, да?! – Он развел руками так, что чуть не выплеснул содержимое бутылки. – А при чем тут я, Серега?! Что я, виноват, коли ко мне никого не подселили, а?! Не, сам подумай, я-то тут при чем? Я им тоже постоянно говорю: «Мужики, при чем тут я?» Я что, должен сам пойти и попросить, чтоб мне в хату кого подселили? Нет, ну что, должен, что ли? Но теперь все железно! – заявил он значительно и гордо выпятил грудь. – Кто теперь придерется? Никто! Да ты мужик-то вроде ничего, Серега... Только вот тебе надо выпить, елки зеленые!

Сделав такое резюме, он решительно налил полстакана

водки и протянул Сергею. Сергей отрицательно помотал головой, но стакан продолжал парить перед лицом. Помня о том, что борьба с занудством тяжела и малоэффективна, он почти согласился выпить эту водку, лишь бы Галушко отвязался. Но хозяин опередил его на несколько секунд.

– Гляди, я два раза не предлагаю... – сказал он поразительную фразу и махом осушил стакан.

Затем, посопев и отдышавшись, произнес:

– Я вначале думал, ты из конторских... а потом Кирка сказала, что ты откуда-то снаружи! Я даже удивился сначала, во дела-то, думаю! Ладно, хоть не конторский... Если признаться, я их не люблю, Серега, – проговорил Галушко и поморщился. – Да кто их любит-то? Дармоеды – одно слово... Слушай, а чего все молчишь? – неожиданно удивился он. – Устал, да? Понимаю, понимаю... Отдыхай, мил человек. Но мы все равно с тобой выпьем, – заявил он твердо. – Это даже не вопрос.

Галушко встал со стула, и его качнуло. При этом взглядом он зацепил угол возле окна.

– О, чемодан! – изрек он многозначительно и сдвинул брови. – Чуть не забыли... Это ж мой...

Он поставил бутылку и стакан на пол, подошел к окну, наклонился, откинул штору и выволок на середину комнаты черный поцарапанный чемодан, покрытый толстым слоем пыли.

– Серега, это ж мой рыбацкий чемодан... – прокрихтел

Галушко с гордостью. – Я, между прочим, рыбак, елки зеленые! Не хухры-мухры там... Глянь-ка.

Он почему-то стал расстегивать чемодан на весу, и это у него получилось неудачно. Содержимое высыпалось на пол, породив облако пыли и череду ругательств.

– Тьфу ты! – сказал Галушко, бросил чемодан на пол, присел рядом с кучей и стал собирать вывалившуюся утварь обратно.

Там была масса всевозможных рыболовных снастей; какие-то крючки, мотки, блесна, мормышки, баночки-скляночки и прочие причиндалы. Среди рыбацкой атрибутики почему-то лежала помятая черная общая тетрадь, явно не вписывающаяся в стилистику содержимого. Галушко кричал и бормотал что-то под нос, укладывая рассыпавшиеся предметы, и ненадолго замирал над каждым, любовно покручивая его в руках, и, вероятно, вспоминая при этом свое насыщенное красками жизни рыбацкое прошлое.

– Э-хе-хе... – ностальгически вздохнул он. – Серега, а ты не рыбак?

– Увы, – ответил Сергей.

– Жаль, – произнес Галушко. – Если б ты был рыбак, ты бы меня понял! Какие были времена, а!.. Вот ведь! До этой е...ой резервации, мать ее! Тут у нас такие места!.. Какие-то гады и сейчас по ним ходят, рыбачат, а мы здесь, как зэки, сидим!.. Нету слов, короче. Смотрю вот на свое хозяйство, и – как ножом по сердцу! Ты веришь – нет? Серега, я ж ры-

бак... А ты нет? Не рыбак, что ли?

Он вопросительно уставился на Сергея.

— Увы, — повторил Сергей.

— А зря...

Галушко умолк на некоторое время и продолжал складывать снасти, сердито сопя. Когда под руку ему попалась черная тетрадь, он хмыкнул и повернулся к Сергею.

— А это вообще интересный случай был, — сказал он и потряс тетрадью. — Я даже и сам забыл... Это в самый последний год как раз было. Летом. Ага... Я тогда далеко заходил в лес, реку вдоль и поперек излазил. Сутками пропадал, жена все ворчала... Даже на болота ползал, я же не только рыбак, но и ягодник, и грибник, во как! Ну и вот. Однажды забурился вниз по течению... Там уж совсем глухие места, между прочим! В одиночку-то хреново ходить, если мест не знаешь. Я-то ладно, а то некоторые, бывает, хорохорятся, крутых строят из себя, так их и не находят после. С нашими лесами шутки не шути. Был у нас один такой, помню... Тоже все выпендривался, все в одиночку любил... Как же его звали, а? Вот память же стала! Да и фиг с ним. Я тебе не про то говорю. Короче, стою я, значит, рыбачу. Время уже под вечер было. И смотрю: под кустом, в водорослях, у берега то ли пакет, то ли кулек маячит. Ну, я его подцепил. А он веревкой привязан, значит, к бревну, чтоб не утонул и не перевернулся. А в кульке эта тетрадка, ну, подмокла все равно кое-где малость... Прикидываешь? Ничего больше нет,

только тетрадь. Ну, взял я ее, домой принес, посмотрел. А она вся исписана, вон, смотри...

Галушко раскрыл перед Сергеем тетрадь и листнул несколько страниц, исписанных убористым почерком.

– Я так и не понял, чего это за тетрадь, кто ее написал? Зачем? – Он пожал плечами и часто заморгал. – То ли это дневник, то ли еще какая-нибудь ерунда... Главное, ее ведь в кулек сунули, привязали... Будто этот... как его?... А, этот! Робинзон Крузо, ага... Я думал, может, тоже кто-нибудь потерялся. Так записка была бы, короткая и ясная: помогите, мол! А тут, блин, рукопись... Я поначалу пытался читать, а потом плюнул. Не поймешь... Не люблю я, когда от руки написано, чужие каракули разбирать... Может, кто-то просто дурью маялся! Вот так и валяется. Уж несколько лет. Слушай, Серега, возьми ее! Хотя ты ее прочитаешь, вдруг у тебя терпения больше. Мне потом расскажешь, а! А вдруг там не ерунда, вдруг чего серьезное... Возьмешь?

Сергей никак не прореагировал. Он подумал, что Галушко сейчас снова начнет занудствовать.

– Не, ты прочитай на досуге, – не унимался Галушко. – Вдруг появится желание. Я сначала-то хотел ее кому-нибудь отдать, да все не знал – кому. Не в полицию же, елки зеленые! Тут как раз эта заваруха с резервацией случилась, а там уж не до того стало... А потом и вовсе про эту тетрадку забыл. А рыбалка-то с тех пор накрылась этой... ну, дамским местом накрылась... Слушай, ну не хочешь читать, так от-

дай кому-нибудь! – воскликнул Галушко. – Или отошли по почте. Видишь, мне неудобно, скажут, чего столько лет тянул? Меня все-таки немножко совесть-то того... Вдруг там и впрямь что-нибудь важное... Кто-то же писал, пыжился. В кулек, одно что, засунул...

Он вопросительно глядел на Сергея и покачивался, даже сидя на корточках.

– Хорошо, оставь ее, – безразлично сказал Сергей, чтоб закрыть эту тему.

Галушко удовлетворительно крякнул и кинул черную тетрадь на подоконник. Потом он дособирав остатки содержимого чемодана, с трудом застегнул его, сунул под мышку и поднялся. Качка на борту усилилась.

– Серега, – проговорил Галушко, и уже оба глаза его хищно прищурились. – Ты не рыбак? А жаль... Мы б с тобой...

Он махнул свободной рукой, затем подцепил с пола бутылку и стакан и нетвердой походкой двинулся к двери.

– Я все равно с тобой выпью! – грозно пообещал Галушко в дверях и, издав финальный нечленораздельный звук, вышел из комнаты.

Сергей собрался раздеться, но опять появилась Кира Семеновна, извинилась и отдала ему ключ от квартиры, объяснила, что Славка завтра на работе сделает дубликат, пожелала хорошего отдыха и исчезла, плотно прикрыв за собой дверь.

Никаких шумов, кроме приглушенного звука телевизора

из соседней комнаты, не доносилось. Несколько секунд Сергей прислушивался, потом разделся, сложив одежду на стуле, и выключил свет. Хватит с меня на сегодня, подумал он решительно. Завтра. Все остальное завтра.

Раскладушка опять жалобно застонала, когда он забирался под одеяло. Ну вот, родной, сказал он себе. Вот так тебе, романтик. Похоже, что вторая ночь в этом городе ничуть не менее романтична, чем первая. Он еще несколько минут поиздевался над собой, потом глаза стали слипаться, и он провалился в пучину сна.

Часть вторая

Правила игры

*Лили на землю воду.
Нету колосьев – чудо.
Мне вчера дали свободу.
Что я с ней делать буду?*

В. Высоцкий

Дверной звонок затрезвонил, когда он умывался. Сначала Сергей замер от неожиданности, но затем торопливо вытерся полотенцем и в одних брюках пошел открывать. Дверь не имела глазка, и он прислушался.

Тот, кто был по ту сторону двери, очевидно, слышал, как он подошел, потому что мужской голос произнес:

– Мне нужен Сергей Иванович Шепилов.

Не сразу разобравшись с замком, Сергей открыл дверь и увидел перед собой полицейского. На нем была уже знакомая форма без погон. Это был человек среднего роста, лет сорока, коренастый, с густыми черными усами и маленькими, глубоко посаженными, карими глазами.

– Я – Шепилов, – сказал Сергей.

– Я вижу, что вы, – сухо сказал полицейский и предложил: – Пройдемте в помещение.

Они прошли в большую комнату. С минуту полицейский, заложив руки за спину, пристально осматривал убранство, скользнул взглядом по пустой комнате Сергея, не преминул заглянуть на кухню, после чего вернулся в большую комнату и встал перед Сергеем, покусывая ус.

– Так-так... – проговорил он и осмотрел всего Сергея с ног до головы. – Понятно.

– Что – понятно? – поинтересовался Сергей вежливо.

Полицейский пропустил его вопрос мимо ушей, снял кепку и вытер рукавом лоб, изборожденный глубокими морщинами. У него была короткая стрижка и седеющие виски. Левый висок пересекал тонкий, но заметный шрам. Он исподлобья уставился на Сергея колючим изучающим взглядом своих маленьких глаз. Казалось, что настроен он далеко не дружелюбно.

– У меня несколько вопросов, – сказал полицейский. Голос у него был низкий.

– Мне показалось, что вчера я ответил на все вопросы, которые могут заинтересовать здешние власти.

– Мало ли, что вам показалось, – холодно сказал полицейский. – И откуда вы можете знать, что интересуется власти, а что нет?

Сергею не понравился его тон и то, что полицейский ни на мгновение не сводил с него взгляда.

– А вы, стало быть, власть? – спросил Сергей сдержанно. Полицейский хмыкнул.

– Ну-ну, – проговорил он. – Желаете увидеть что-нибудь вроде удостоверения или еще какую-то бумагу, да? Как у вас снаружи принято... – Он сделал небольшую паузу. – Помните, Шепилов, у нас в резервации нет никаких удостоверений! Они нам ни к чему. Здесь всё на виду. Так что придется поверить на слово, больше ничего предложить не могу. Между прочим, – добавил он недовольно, – я в форме, если вы заметили.

– Почему же, заметил, – сказал Сергей со вздохом. – Но я не знаком с вашими местными нюансами. Может, такая форма у вас в магазине продается. Откуда мне знать?

– Ну-ну, – снова сказал полицейский и сдвинул брови к переносице, – Значит, так. Моя фамилия Филин. И давайте оставим фантазии и перейдем к делу. У меня мало времени.

– Но я действительно уже все рассказал, – сказал Сергей. – И мэру, и начальнику этого... какой там у вас отдел?.. Анкету заполнил. И коллеге вашему тоже объяснял.

– Какому коллеге? – прищурился Филин.

– Кириллу, – ответил Сергей. – Так что я не смогу сообщить ничего нового.

Филин снова хмыкнул.

– Я в курсе. И анкету вашу читал, – сказал он. – Просто хочу кое-что уточнить. Надеюсь, от вас не убудет?

– Ради бога, – пожал плечами Сергей.

– Итак, зачем же вы к нам в такую даль приехали? Чем наш городок, так сказать, глянулся?

– Это вопрос не ко мне, – сказал Сергей. – Договоры заключаю не я, а директор.

– Понятно, – проговорил Филин, покусывая ус. – Вы утверждаете, что не знали о том, что в городе есть резервация. Странно, как вы могли этого не знать.

– Почему странно? – удивился Сергей. – Я здесь раньше не был, никого тут не знаю, родственников не имею... Бум на резервации давно, кажется, схлынул... И потом, может, я и знал, но просто забыл. Я это допускаю. Вы допускаете, что можно забыть?

– И в компании, где вы вчера были вечером, – не обращая внимания на его вопрос, продолжил Филин, – вам никто ничего не сказал?

– Как видите. Иначе бы сейчас я был не здесь, а в другом месте.

– Вы никого из этой компании не знаете?

– Нет. Это знакомые Бортникова. Моего начальника.

– Как вы все-таки объясните, что вас никто не предупредил о резервации?

– Никак, – произнес Сергей. – Может, они забыли, может, не думали, что я так неожиданно исчезну с вечеринки. Какая разница? В моем появлении вообще много случайных совпадений...

– Вот-вот, – коротко сказал Филин и хрипло кашлянул. Ну и смотрит, подумал Сергей. Дыру ведь прожжет.

– Многовато случайностей, – медленно протянул Фи-

лин. – Никто не предупредил. Знал, но забыл. Исчез неожиданно. На улице случился провал памяти. Заблудился и вышел именно к транспортеру. Дом принял за гостиницу. Многовато, правда?

В голосе его зазвучали нотки подозрительности, и Сергей слегка растерялся.

– Извините, – пробормотал он, – вы говорите так, будто я специально сюда попал. Это действительно роковая цепь случайностей! Вы что, мне не верите?

– Разве я так сказал? – не сразу ответил Филин. – Я говорю: странно все это.

– Согласен, что странно, конечно... Но...

– Почему Кононов не предупредил вас, когда вы залезли на транспортер? – продолжил Филин торопливо.

– Вы меня спрашиваете?! – воскликнул Сергей недоуменно. – Это же, так сказать, ваш Кононов – вам и виднее должно быть!

– Вы даже не поинтересовались у него, куда он так поспешно уходит?

– А зачем? – сказал Сергей. – Послушайте, я все-таки не пойму, куда вы клоните... Ваш транспортерщик элементарно меня подставил, воспользовался случаем, гад... Я, что ли, виноват, что он такая сволочь? А согласно вашему принципу четности, чисто арифметически вообще ничего не изменилось. Ну был Кононов, стал я. Какая половая разница?

– Есть разница, – холодно заявил Филин. – И не половая,

Шепилов. Кононов не имел права на выход.

– Не понял, – сказал Сергей настороженно. – Чего не имел?

– Кононов был местный, – проговорил Филин с расстановкой, – и права на выход не имел. Доходит? Право на выход из резервации имеют только неместные. Те, кто находится на подселении. Вот вы, Шепилов, имеете такое право. Поняли теперь разницу?

– Не совсем... – нахмурился Сергей. – Что такое «право на выход»?

– Это вам надо было у Кравеца спрашивать, – отрезал Филин. – Мы сейчас говорим не об этом. Во-первых, у Кононова не было этого права. Но это само по себе ни о чем не говорит. Гораздо интереснее, что во-вторых.

– И что же «во-вторых»? – сухо осведомился Сергей.

– То, что у Кононова не было видимой причины покидать резервацию, – бесстрастно продолжил Филин. – У него здесь квартира, жена и сын. Он живет тут всю жизнь. Я специально просмотрел его данные. Так вот, у него нет снаружи других родственников. По крайней мере, по бумаге. Какой смысл было ему все бросать и исчезать?

– Ну. Все-таки свобода... – начал было Сергей.

– Зачем ему нужна эта свобода? – оборвал его Филин, скривившись. – Вы сами-то подумайте! Свобода...

– Знаете, что? – сказал Сергей недовольно. – Мне глубоко наплевать, зачем он это сделал. Мне от этого не легче. По-

чему вы меня об этом спрашиваете? Вам это нужно – вы и думайте. Еще вопросы будут?

Филин опять несколько раз глухо кашлянул, поморщился, на некоторое время отведя от Сергея пристальный взгляд.

– Ладно, – проговорил он сипло. – Оставим Кононова. Вы кого-нибудь из конторы знаете?

– Да откуда? – пожал плечами Сергей. – Я же сказал, что никого в городе...

– Ну мало ли, – сказал Филин и добавил туманно: – Контора – есть контора. Ладно. Еще... Сообщить своим родным о том, что с вами произошло, вы отказались, так?

– Я не хочу их волновать. По крайней мере, до того, как все прояснится.

Филин стрельнул в него подозрительным взглядом. Сергею это уже порядком надоело. У него даже пропало первоначальное желание разузнать что-нибудь.

– А что должно проясниться? – как-то вкрадчиво поинтересовался Филин.

– Да так... – уклончиво ответил Сергей. – Вообще... – Не хотелось ему больше ничего объяснять этому недоверчивому полицейскому.

– Все-таки поясните подробнее, – проговорил Филин твердо. – Почему вы хотите скрыть этот факт?

Хватит, решил Сергей. Ты мне надоело, господин хороший.

– Между прочим, это не допрос, – сдержанно напомнил

он. – И я вовсе не обязан пояснять или объяснять что-то и давать отчет своим действиям. Особенно, если спрашивают в таком тоне.

– В каком?

– Мне кажется, что вы мне не доверяете.

– Я только выясняю обстоятельства, – отрезал Филин. – По долгу службы. Любой новый человек в резервации находится под особым вниманием. У нас своя специфика, Шепилов, – сказал он назидательно. – Советую не забывать об этом.

– О вашей специфике я со вчерашнего утра только и слышу, – произнес Сергей. – Не надо только на специфику списывать слишком многое.

– Ну-ну, – буркнул Филин и после паузы добавил: – Запомните: чем быстрее вы усвоите наши правила, тем для вас же лучше будет.

– Ваши правила игры?

– Наши правила жизни. Для кого-то это, может, и игра, а для нас – жизнь. Понятно?

Маленькие глазки Филина сверлили Сергея насквозь.

– Спасибо за совет, – выдавил Сергей.

– Пожалуйста, – сказал Филин, криво ухмыльнувшись, и нахлобучил кепку.

Он вынул из нагрудного кармана записную книжку и авторучку, что-то торопливо записал, вернул все обратно. Затем извлек из другого кармана портсигар, достал из него па-

пиросу, смял и сунул ее в рот.

Направившись к выходу, у двери он повернулся к Сергею.
– Еще совет, – сказал он официальным тоном, и папироса задергалась в углу его рта. – Не затягивайте с работой и с медосмотром. С медосмотром особенно.

В руках у него появилась зажигалка, Филин вышел за порог, прикурил и, пыхнув едким облачком, стал спускаться по лестнице.

После его ухода Сергей почувствовал облегчение. Странный тип, подумал он. Уж слишком недоверчивый. Я, видите ли, должен ему объяснить, почему засранец Кононов предпочел абстрактную свободу вполне конкретной обустроенной семейной жизни!

В животе у Сергея отчаянно заурчало от голода. Времени было десять минут первого. Ох и провалился же я, мелькнула мысль. Что ж, посмотрим на вашу столовую для начала, решил он и стал одеваться.

Видимо, природа вздумала присвоить появлению Сергея в резервации статус исторической вехи и по этому поводу сменила погоду. Сегодня снова было сухо и солнечно, как вчера. Стало даже заметно теплее, и Сергею пришлось на улице расстегнуть плащ.

Когда он проходил мимо серого здания конторы, то в глаза бросилось необычное зрелище. В резервации, очевидно, было время обеденного перерыва. Во дворе конторы толпилось очень много женщин в синих халатах. Некоторые из них бы-

ли к тому же в белых платках. Собирище интенсивно перекуривало и оживленно болтало. Женский монастырь какой-то, а не конструкторское бюро, удивленно подумал Сергей. Ему пришлось повидать в своей жизни разные отделы разных инженерно-технических контор, но это столпотворение никак не подходило ни под одну из категорий. Что-то было в этой галдящей, одноцветной и однополой массе явно непохожее на то, с чем он привык иметь дело в прошлом. Он постарался пройти мимо этой странной массы одинаковых женщин как можно быстрее, поскольку физически ощущал на своей шкуре пристальные, оценивающие взгляды. Даже гомон заметно утих.

На ступенях мэрии на этот раз никого не было. Столовая тоже оказалась почти пуста – для нее, наверное, еще не наступил час пик. Это была самая обычная опрятная столовая с залом, вмещавшим около двух десятков квадратных столов. В числе немногих посетителей Сергей прошел к раздаче, набрал на поднос тарелок, расплатился на кассе и сел за стол недалеко от выхода. То ли приготовлено было на самом деле неплохо, то ли сильный аппетит заглушал все остальное, но Сергей ел с удовольствием. Краем глаза оглядывая убранство столовой, он вдруг понял, что эта мэрия на самом деле – просто школа. Обыкновенная школа, часть которой отдали под чиновничьи кабинеты. Этим и объяснялось постоянное присутствие здесь множества детей. Сергей стал размышлять о том, куда сейчас следует податься. В повест-

ке дня значилось два пункта: медосмотр и трудоустройство. Обо всем остальном он старался пока не думать, чтоб снова не впасть в уныние, которое ему бы только повредило. Сейчас ему нужен был ясный разум, трезвый анализ и сбор информации. Придется нанести Кравцу еще визит, решил он. Похоже, что за кадром остались многие интересные вещи из жизни обитателей резервации. «Право на выход» какое-то... Местные особенности. Нюансы. Правила игры, так их разэ-дак...

Он почти закончил обедать, когда в столовую вошел Кирилл. Увидев Сергея, он быстрым шагом приблизился к его столу.

– Вот ты где! – бросил он. – Там твой начальник пришел. Давай беги.

– Где там? – не понял Сергей.

– Да возле транспортера, – ответил Кирилл. – Я сначала к тебе домой пошел... Он минут десять уже ждет.

– Спасибо, Кирилл, – пробормотал Сергей и торопливо допил чай. – Слушай, кто такой этот ваш Филин?

– Такой же полицейский, – ответил Кирилл. – Какие-то проблемы, что ли?

– Приходил домой, допытывался чего-то... Таким тоном, будто я в чем-то виноват.

– А, не обращай внимания, – улыбнулся Кирилл. – У него характер такой, у Филина. Тяжелый, замкнутый... Разговаривать с ним трудновато.

– Так он по собственной инициативе ко мне пришел или его кто-то уполномочил?

– Скорее всего, по собственной. Натура у него такая, понимаешь, дотошная. Любит сам все посмотреть и потрогать. Я говорю – не обращай внимания! Да и потом, у него обязанности такие – он вроде участкового у нас. Если на характер не обращать внимания, так он, по идее, нормальный мужик. Дело знает... Барновский ему очень доверяет. Это шеф наш, – пояснил он.

– А сколько тут полицейских?

– Трое вместе с Барновским. Точнее, три с половиной.

– Это как?

– Да Вовка Лобан еще... Наш таможенник, так сказать. Хороший парень. Он прямого отношения к нам не имеет. Но подчиняется тоже Петровичу. Занимается досмотром грузов, частных посылок... Короче, всего, что попадает в резервацию через транспортер. Ему даже оружия не положено. Мы, правда, иногда привлекаем его к нам на помощь. Когда авралы всякие случаются или еще какие-нибудь случаи...

Они вышли из коридора в холл.

– Зачем нужны досмотры? – поинтересовался Сергей.

Кирилл не успел ответить, потому что его окликнули со второго этажа и он стремительно умчался по лестнице.

Выйдя из мэрии, Сергей обогнул здание и направился к транспортеру. Еще издали он узнал фигуру Игоря. Тот, ссутулившись, стоял шагах в десяти от транспортера, засунув

руки в карманы куртки. Транспортёр не работал. Сергей решил ориентироваться по нему. Поравнявшись с его концом, он сбавил темп ходьбы и дальше стал двигаться осторожно. Метров через пять после начала транспортера он почувствовал знакомые ощущения и остановился. Их разделяло около десятка метров.

– Ближе подойти не могу, – сказал Сергей. – Привет.

– Здорово, – проговорил Игорь мрачно.

Сергей еле расслышал его на таком расстоянии. Выражение лица у Игоря было какое-то виноватое и недоуменное. Наверное, у меня вчера было такое же лицо, мелькнула у Сергея мысль.

– Ну ты даешь... – тихо произнес Игорь.

– Говори громче, – сказал Сергей.

– Я говорю: какого черта, Серега!.. – повысил голос Игорь. – Как тебя угораздило?! Ты как сюда залез-то?! Зачем?!

– Видишь транспортер? По нему и залез. Очень удобно.

– Ты еще в состоянии шутить?! – воскликнул Игорь. – Нет, ну зачем ты поперся... Гостиница же совсем в другой стороне! Я тебя вчера около часа прождал, потом думаю, умотал все-таки в гостиницу. Туда вернулся – нет тебя! Думаю, то ли тебя шлюха подцепила, то ли грохнули по дороге. А ты что выкинул?! Ну как так, Серый? Я, когда позвонили, чуть на пол не сел.

Игорь снова помотал головой и в растерянности стал пе-

реминаться с ноги на ногу. Сергей молчал.

– И я, идиот, не предупредил! – простонал Игорь. Помолчал и мрачно спросил: – Что намерен делать?

– Разбираться буду, – ответил Сергей. – Думать, как отсюда выбраться.

– Разбираться он будет... Так я никак не пойму: ты почему не можешь выйти? Барьер какой-то энергетический, что ли?

– Понятия не имею. Энергетический, психический, еще какой... Только не выйдешь, и все! Становится очень плохо. Чем дальше пытаешься пройти, тем хуже.

– А потом что? Смерть?

– Насколько я понял – да.

– Твою мать, Серый!.. – Игорь закатил глаза к небу. – А если ты не сможешь выбраться? Если это невозможно в принципе? Они вон сколько лет тут кукуют! Если бы так просто, то, наверное... Ох, Серега, Серега... – покачал головой Игорь. – Ну и заварил ты кашу. А с Еленой как?

– Не говори ей.

– Думаешь, может приехать?

– Трудно сказать. Но мне бы не хотелось. И родителям пока не говори. Скажешь только, если история затянется.

– Мне бы твой оптимизм.

– А это единственное, что у меня осталось.

– А предки твои все одно достанут... Начнут звонить, спрашивать. Что я скажу?

– Придумай что-нибудь, Гоша, – попросил Сергей. – Мол,

уехал в длительную командировку, мол, срочные обстоятельства... Связь, скажи, не работает. Я им потом телеграмму пошлю. Ну не хочу я их сейчас волновать! Ты же маму знаешь – она все бросит и поедет. Ей же сейчас нельзя, тем более в такую даль! В общем, я тебя очень прошу.

– Ладно, – буркнул Игорь. – Отмажем как-нибудь... Мне сказали, что телефоны у вас не работают. Правда, что ли?

– Есть такой факт.

– Дурдом...

Некоторое время оба молчали. Игорь опять засунул руки в карманы куртки и водил взглядом где-то под ногами. Лицо у него было озабоченно-грустное.

– Ладно, Серега, – проговорил он наконец. – Мне пора. Дел полно. Отсюда еще на другой конец города пилить.

– Беги, конечно.

– И лапу тебе не пожмешь!.. Пока, Серый! Ни пуха тебе, ни пера!

– Пошел ты к черту, – ответил Сергей.

Игорь развернулся и, сутулясь, побрел вдоль шоссе. По пути он один раз обернулся и потряс в воздухе сжатым кулаком. Сергей провожал его взглядом до тех пор, пока его фигурка не скрылась за поворотом. Он еще несколько минут неподвижно стоял и отрешенно глядел на этот поворот. Настроение понизилось. Главное было – не позволить ему падать дальше.

Итак, твердо сказал он себе, продолжаем решать насущ-

ные проблемы. Кто у нас на очереди? На очереди был, очевидно, некто Губин, потому что медосмотр Сергей решил отложить напоследок. Сначала покончим с безработицей, подумал Сергей и решительно направился обратно в мэрию.

Но некоего Губина в мэрии ему застать не удалось. За дверьми с надписью «Кадровый отдел» он обнаружил только немолодую тучную женщину, которая оказалась его заместителем. Она объяснила, что Иосиф Валентинович ушел на гаражи, когда будет – неизвестно, а вы, молодой человек, видно, новенький, наверное, насчет работы, ну, что вам сказать... конечно, надо лично с ним говорить, вы лучше туда и идите, чем его здесь ждать... а гаражи недалеко, у нас тут все недалеко, а конкретнее, значит, мимо бара, потом вдоль дома, где больница, и к самой железной дороге, там прямо у дороги они и стоят... Сергей поблагодарил женщину и опять оказался в коридоре. Возникла идея зайти к Кравцу, выяснить все остальное. Он поднялся на второй этаж, но кабинет Кравца оказался заперт.

В резервации на самом деле все было рядом. Сергей вышел к гаражам уже минут через пять. Располагались они в северо-восточном углу резервации. Несколько рядов серых бетонных боксов тянулись параллельно сетке, вдоль восточной границы метров на сто и выходили своими подъездами прямо в сторону железнодорожного полотна. За железной дорогой глухой стеной высился лес. С первого взгляда становилось ясно, что эти гаражи давно уже не являются таковы-

ми – их превратили в мастерские. Здесь стоял непрерывный производственный шум, который являлся смесью металлического стука, звона и грохотания, взвизгивания циркулярных пил, наждачных кругов и сверлильных станков, тарахтения компрессора, гудения сварочного аппарата, пыхтения электрокаров и выкриков рабочих. Дверей на боксах не было; в проходах сновали люди в спецодежде, высились штабеля ящиков, баки с металлическим хламом, ручные тележки и прочие аксессуары производства. Пахло бензином, мазутом и гарью. В десятке метров перед входом в гаражи были брошены старые автомобильные покрышки, густо наполненные окурками и пустыми бутылками. Тут же стояли несколько десятков железных ящиков с электродвигателями.

Сергей неторопливо прошелся мимо проходов, высматривая среди рабочих фигуру чиновничьего вида, но никого похожего на начальника не заметил. Он собрался было идти в глубины гаражей, как из ближайшего бокса появился низкорослый человек в кожаной куртке и кепке, с лицом землистого цвета. Он направился к Сергею, по пути вынимая из кармана сигареты. Ему было лет пятьдесят или больше. Выглядел он усталым.

- Кого-то ищите? – поинтересовался человек.
- Губина, – ответил Сергей.
- Я Губин, – сказал человек и закурил.
- Я, собственно, по вопросу трудоустройства...
- Ты тот парень, который вчера к нам попал? – произнес

Губин. — Утром на совещании говорили.

Он присел на один из ящиков и сдвинул кепку на макушку.

— Забегался с утра... — проговорил Губин, смачно затыкаясь и вытирая со лба пот. — Придумали зачем-то совместить производственный и кадровый отдел. Раньше по отдельности были — как было хорошо. Кому-то пришла мысль, что раз движения кадров практически нет, то, значит, давай все в кучу! Это только со стороны кажется, что нету! Ага, как же... Нет, вот будет собрание — я вопрос конкретно поставлю... — Он умолк, потом взглянул на Сергея и сказал: — Ну, и что ты можешь, расскажи.

Сергей кратко рассказал о себе. Губин некоторое время молчал, затем вздохнул.

— Инженер, инженер... — проговорил он, кивая. — М-да... Не знаю, что тебе и сказать. Инженеров у нас полная контора. Если б ты доктор был, было б здорово. Знаешь, как нам доктора нужны? Вон Уманцев, по сути, один, случись с ним что-нибудь, да просто заболеет он — и все!.. Или, допустим, учитель. Тоже хорошо бы. Может, попробуешь учителем? Образование — это не страшно... Все-таки высшее-то есть... Ты молодой, тебе легче. С ребяташками, а? Давай?

— Нет, — пробормотал Сергей. — Что не мое — то не мое.

— Ну что ж тебе предложить? — поскреб челюсть Губин. — Видишь, выбор-то у нас невелик. Мужики здесь, на гаражах, женщины в пошивочном участке. Ну, контора еще...

Хочешь – попробуй с Коганом поговори, потому что со своими кадрами он сам разбирается. Но у них, насколько я знаю, большие трудности сейчас. Заказов у конторы практически нет. Коган, по-моему, только за счет своих старых связей как-то перебивается, но и то остались последние месяцы. Что потом делать они будут – ума не приложу... Я чувствую, на нынешнем собрании этот вопрос все-таки поставят. С конторой надо что-то решать. – Он торопливо докурив сигарету, бросил окурочок и продолжил: – Так что смотри. Если хочешь, сходи в контору. Только не на первый этаж – там у нас швейный участок...

– Честно говоря, – сказал Сергей, – у меня сейчас абсолютно нет желания заниматься такого рода деятельностью.

– Да я понимаю... – протянул Губин. – Хорошо, давай на производство. Собирать движки. Или в штамповочный участок, допустим... Хотя инженеры, прямо скажем, не очень охотно в работяги идут. Вон, из конторы никто не приходит сюда, хотя они получают значительно меньше. – Он немного подумал и спросил: – Швейное оборудование ты, конечно, не знаешь?

– Откуда? – развел руками Сергей.

– Машины в последнее время сыпаться стали, – сказал Губин сокрушенно. – Тоже вот приходилось самим учиться. В принципе, дело наживное – научишься... Правда, коллектив сплошь женский. Подумай.

Откуда-то издалека, слева слышался звук приближаю-

щегося состава, и через полминуты перед ними возник товарняк и загрохотал, заглушая звуки гаражей. Глядя на мелькающие вагоны, Сергей вдруг заметил, что перед железной дорогой нет ограждающей сетки. После того как стих шум, он спросил об этом Губина.

– Раньше была, – ответил тот. – В первые годы. А потом плюнули. Она же падает постоянно; то ветер сорвет, то проржавеет. Городские власти ее периодически поправляют, заменяют... А здесь не стали – все равно тут никто не ходит. Тут же тайга на много километров. Городские, которые за грибами да ягодами ходят, все знают, а больше здесь никто и не появляется. Ну, плакаты там еще вроде где-то остались... Так и живем. Короче, – он взглянул на Сергея, – ты думай. До завтра.

Губин поднялся и зашагал в сторону гаражей. Сергей в задумчивости повернулся к лесу. И что будем решать, подумал он невесело. Собирать электродвигатели или ковыряться в швейных машинах? А на что ты рассчитывал, родной? В кармане он нащупал вчерашний блокнотный листок, который ему дал Кравец. Хорошо бы разобраться побыстрее со всеми их принципами, правилами и всякими прочими ма-размами, подумал он.

В этот момент он увидел, как из леса к путям вышел парень лет двадцати, с облезлой клеенчатой сумкой в руке. Одет он был неважно. Поношенные брюки, длинная вязаная кофта в дырах, короткие резиновые сапоги и шапочка-пету-

шок – таков был его наряд. Парень неторопливо шагал вдоль путей, пиная камушки. Походка у него была очень странная, шатающаяся. Руки висели вдоль тела, словно плети, а взгляд был устремлен под ноги. Засмотревшись на этого непонятного выходца из леса, Сергей не заметил, как позади возник человек.

– Браток, угости сигареткой, – раздался хриплый голос.

Сергей влоботорота покосился на щуплого мужичонку в спецодежде. Мужичонка улыбался, щурясь на солнце и вытирая руки о полы куртки.

– Я не курю, – обронил Сергей, продолжая наблюдать за парнем на путях.

– А я-то думал, курнем... – с сожалением заметил мужичонка. – Как контора поживает?

Сергей не ответил. Парень по-прежнему шел вдоль железнодорожного полотна.

– Тут слухи ходят, – сказал мужичонка, – что у конторы дела совсем херовые. Поговаривают, без бабок совсем останетесь скоро, да? Че собираетесь делать-то? Пахать ведь придется, не иначе... А что! – рассудительно добавил он. – Продадите свои осциллографы да кардиографы и тоже чего-нибудь делать начнете! Наш мужик, он к чему хошь приспособится. Так ведь? – спросил он. – Слышь, а Когана вашего куды денете? Евреям же пахать нельзя, они же от этого мрут!.. – Мужичонка сипло захихикал и добавил: – Слышь, браток, а может, вам к бабам податься? Тоже чего-нибудь

шить станете... У вас же там рядышком. Будете шить наволочки и тискать баб! Чем не жисть?..

Он опять захихикал, потом закашлялся.

Закончив, он поинтересовался:

– Еще говорят, у вас там недавно за наркотики двоих аж на три розыгрыша турнули? Правда, что ли? Слышь, а за что мы тогда полиции бабки платим?

– Я не работаю в конторе, – наконец сказал Сергей. – И в полиции тоже. Я в резервации всего второй день.

– А-а... – протянул мужичонка. – Я думал, из конторы... «Заложник», поди?

– Не понимаю, – произнес Сергей. – Какой еще «заложник»?

– Ну, «временщик», я имею в виду... – удивляясь, сказал мужичонка. – А что? Все так называют...

– Что такое «врем...»

Слово застряло у Сергея в горле, потому что в этот момент парень, шедший вдоль путей, внезапно резко свернул, пересек рельсы и быстро направился вглубь резервации.

– Ты это чего? – удивился мужичонка. Он никак не прореагировал на это событие. – Чего с тобой, браток?

– Но... – выдохнул Сергей, не сводя взгляда с парня. – Он же зашел...

Парень как ни в чем не бывало миновал картофельные участки и теперь двигался в сторону пятиэтажек.

– Так это же Артемка! – сказал мужичонка. – А я думаю,

чего это с тобой?

– Ну и что... – непонимающе посмотрел на него Сергей.

– Артемка все время по лесу шагает. Не знаю, чего уж он там ищет... Он же чокнутый.

– Как это?

– Ну как-как? Того. – Мужичонка покрутил пальцем у виска. – Сумасшедший. Вот и ходит туда-сюда.

– А Оболочка?! – ошарашенно спросил Сергей.

– Чего – Оболочка? – непонимающе хлопал глазами мужичонка.

– Он что... не чувствует ее? Для него ее нет?!

– Понятно – нет, – ответил мужичонка. – Была б, так как он тогда ходил то в лес, то в город?

– И после него не остается этой самой дырки? Прохода, в смысле...

– Да нет, конечно. – Мужичонка почесал затылок. – Ты какой-то чудной! Если б после него Проход оставался, здесь бы давно уже никого не было. Так ведь?

– Пожалуй... – не сразу выговорил Сергей. – Это я не подумал... Стоп! – вдруг осенило Сергея. – Это и есть принцип разумности?!

– Чего?.. – переспросил мужичонка, морща лоб.

Но Сергей уже не обращал на него внимания, он словно замороженный двинулся вслед за удаляющимся парнем. Он даже не понимал, зачем идет за ним – это получилось чисто машинально.

– Может, ты все ж куришь? – бросил вдогонку мужичонка. – Жалко...

Между Сергеем и парнем было около пятидесяти метров. Парень, пройдя дворами пятиэтажек, свернул в сторону конторы. Сергей не отставал от него и даже стал сокращать разрыв. Когда он проходил через дворы пятиэтажек, его вдруг окликнули по имени.

Возле одного из подъездов стояли Кирилл и Филин.

Сергей подошел к ним. Артем свернул за угол дома и исчез из виду.

– Куда это ты мчишься? – поинтересовался Кирилл. – Да еще с таким озабоченным видом?

– Да вот... – забормотал Сергей. – Парень этот ваш... Увидел, как он из леса через дорогу...

– А, Артемка... – сказал Кирилл. – Ты ж не в курсе.

– Значит, это и есть принцип разумности? – спросил Сергей, ловя на себе колющий взгляд Филина.

– Угу, – сказал Кирилл. – Сумасшедшие у нас не в счет. Артемка даже от медосмотров освобожден. У тебя, кстати, как с медосмотром? Встал на учет?

– Не успел еще. Я к Губину ходил.

– Может, он думает, будто у него богатырское здоровье, – ехидно заметил Филин. – Между прочим, никогда не знаешь, где найдешь – где потеряешь.

– погоди, Виктор, – сказал Кирилл. – Что тебе Губин сказал?

– Да так... – замялся Сергей. – Не знаю я, в общем. Надо подумать.

– Ну конечно! – проговорил Филин, мусоля во рту потухшую папиросу. – Там же работать нужно. Ручками. Это конторские только сидят, зады протирают да делают вид, что своими мозгами приносят какую-то пользу!

– Да будет тебе! – сказал Кирилл. – Чего опять заводишь-ся? Он у нас жутко конторских не любит, – разъяснил он Сергею.

– Между прочим, – сказал Сергей Филину холодно, – я работы не боюсь.

Филин только хмыкнул, и папироса из одного угла его рта перекечевала в другой.

– Сергей, ты машину водить умеешь? – вдруг спросил Кирилл.

– Умею.

– Поговорю сегодня с Николаичем, – сказал Кирилл задумчиво. – И с Губиным тоже. Что-нибудь придумаем.

– Кончай благотворительностью заниматься, – произнес Филин. – Слышь? Пойдем.

– Подождите, – сказал Сергей торопливо. Он вытащил из кармана плаща листок со списком. – Объясните... Кравца на месте нет.

– Ревизия сегодня в больнице, – сквозь зубы сказал Филин. – Там они все. Кирилл, идем, Барновский ждет.

– Точно – ревизия! – Кирилл хлопнул себя по лбу. – За-

был. А это, как водится, на весь день. Сергей, ты вот что сделай. В этом доме с торца находится библиотека. Там библиотекарь очень умный мужик, раньше ученым был. Больше, чем он, про резервацию, наверное, никто не знает. Иди к нему. Он тебе на все вопросы и ответит. Кстати, у него тоже судьба – не позавидуешь.

– А как его зовут? – спросил Сергей.

– Ревич Рудольф Анатольевич. Хороший мужик.

– Кирилл, пошли! – нетерпеливо сказал Филин и махнул рукой.

Они с Филиным размашистыми шагами стали удаляться от дома. Сергей снова остался один с помятым листочком в руках.

Расположившаяся в торце дома библиотека имела крыльцо с облупленными, давно не крашенными каменными перилами, трещины которых густо поросли мхом. Сергей поднялся по крошащимся ступеням, открыл дверь и очутился в сумрачном тихом мире. В библиотеке было безлюдно и пахло тем самым запахом, какой бывает только в библиотеках. Господи, подумал Сергей, сколько же лет я не бывал в таких заведениях! Все не до того с этой сумасшедшей жизнью. Он ностальгически вздохнул и прошел внутрь, к столику у окна, огороженному, как и положено, стойкой. На стойке лежало несколько книг, самого же библиотекаря не было видно. Царила полнейшая тишина.

Сергей собрался уже было кашлянуть, как вдруг из глу-

бины стеллажей, из самых книжных недр послышалось:

– Кто-то пришел?

Потом говоривший, очевидно, рассмотрев Сергея сквозь просветы стеллажей с книгами, добавил:

– Проходите сюда, молодой человек.

Сергей обнаружил библиотекаря между вторым и третьим стеллажами. Тут оказалось еще одно окно. Под ним уютно расположилось высокое кожаное кресло и квадратный журнальный столик, на котором стояла настольная лампа, электрочайник, сахарница, цветная жестяная коробочка и стакан. Рядом находился стул. Чайник шумел. Библиотекарь сидел в кресле и оказался невысоким, седым, наполовину лысым человеком, явно перевалившим за шестидесятилетний рубеж. Он имел усталые потухшие глаза серого оттенка и мощные очки в роговой оправе, которые делали его похожим на профессора. Одет библиотекарь был в простенький пуловер коричневого цвета.

– Здравствуйте, – сказал Сергей. – Рудольф Анатольевич?

– В точности так, – кивнул библиотекарь. – Хотите что-нибудь почитать? Я вас раньше не видел.

Голос у него был мягкий и дружелюбный.

– Я только вчера появился в резервации. И пришел не за книгами, а за консультацией. Мне посоветовали обратиться к вам...

– Вот оно что. – Ревич с интересом глянул на него поверх очков. – Чаю хотите? За компанию, а? Я люблю, знаете ли,

побаловаться...

– Можно и чаю, – согласился Сергей.

– Да вы садитесь, садитесь. – Ревич жестом показал на стул и встал из своего кресла. – Минуточку, я только принесу стакан.

Сергей сел на стул, а Ревич, сутулясь и шаркая, удалился и через минуту появился со вторым стаканом, в котором позвякивала чайная ложка.

– Признаться, я не люблю сидеть там. – Он махнул рукой в сторону стойки. – Посетителей в это время не бывает. Тут, знаете ли, комфортней как-то.

Он умолк и стал разливать горячий чай в стаканы. Затем снял очки, обхватил стакан обеими ладонями и откинулся в кресле. – Так, говорите, только вчера... Простите, как ваше имя?

– Извините, не представился. Сергей.

– Вам, наверное, лет тридцать, не больше?

– Тридцать.

– Моему сыну столько же, – негромко изрек Ревич. – Вы позволите называть вас Сережей?

– Конечно, – сказал Сергей, размешивая сахар.

Ревич отхлебнул чаю и посмотрел на Сергея, слегка склонив голову набок.

– В общем, Рудольф Анатольевич, – начал Сергей, вздохнув, – я попал сюда совершенно случайно. Просто дурацкое стечение обстоятельств...

– Вон оно как, – протянул Ревич, кивая. – Хищница снова заскучала по вкусу крови? В капкан угодила очередная жертва... – Он снова в задумчивости отхлебнул из стакана.

– Говорят, что таких случаев у вас давно не было? – спросил Сергей.

– Пожалуй, что так... А Проход после вас?

– Им воспользовался один тип.

– Ясно... У вас есть семья, Сережа? – участливо поинтересовался Ревич.

– Бывшая.

– Ну... – вздохнул он, вскинув брови. – Наверное, дети никогда не бывают бывшими, так?

– Что верно, то верно, – ответил Сергей.

Он взял стакан и сделал несколько глотков. Ревич глядел на него, и глаза у него были грустные. Казалось, он думал о чем-то своем. С минуту оба молчали, лишь мелкими глотками пили чай.

Затем Ревич потер пальцем веки и спросил:

– И что же вы хотите узнать, Сережа? Я охотно вам помогу, если это в моих силах.

Сергей выложил на стол листок с перечнем. Ревич поднес очки к глазам и прочитал.

– Это мне Кравец написал, – пояснил Сергей. – А разъяснить успел только некоторые. А сегодня его нет на месте.

– Обычная предвыборная суета, – заметил Ревич и отложил очки. – Ну, про принцип четности вы не можете не

знать?

– Я знаю про четность, полупроводимость, – сказал Сергей. – И только что узнал о сумасшедших. Увидел, как парнишка... зашел из леса. Даже испугался сначала.

Ревич, улыбаясь, понимающе кивал.

– Принцип разумности, – проговорил Сергей, задумавшись. – Как именно он формулируется?

– Так и формулируется, – сказал Ревич. – Оболочка существует только для разумных. Для определения четности учитывается только количество разумных людей в резервации.

– Получается, что и животные не должны чувствовать Оболочку?

– Они и не чувствуют, – ответил Ревич. – Или для них ее, очевидно, не существует. Тут им можно только позавидовать.

– А перпендикулярность и однократность? – сказал Сергей, глядя в листок.

Ревич некоторое время молча думал.

– Постойте... Вы знаете, какие бывают виды нарушения четности? – осведомился он. – Вы вообще уже в курсе, почему опасно состояние нечетности в резервации? Чем грозит нарушение стабильности, знаете?

– Кравец растолковал. Если нечетно, то нестабильно. Это влечет чью-либо гибель.

– Видите ли, чтоб понять принцип перпендикулярности, надо разобраться в типах нечетности. Так вот, – продолжил

Ревич после некоторой паузы. – Существует три типа нечетности. То бишь три вида нарушения четности. Первый: в резервации кто-то умер, второй: в резервации кто-то родился и третий: в резервацию кто-то вошел снаружи.

– А если кто-нибудь сошел с ума? – спросил Сергей.

– Вопрос интересный, – крикнул Ревич. – Наверняка этого никто не знает. По той простой причине, что никто в резервации еще с ума не сходил.

– А Артем?

– Он ненормален с рождения... В общем, эта тема не исследована. И поэтому мы говорим о трех типах нечетности. Эти три типа подтверждены практикой.

– Стало быть, ваш принцип разумности выведен лишь на основании одного конкретного случая с Артемом?

– Получается, так, – согласился Ревич. – Понимаете, Сережа, здесь многое понято и осознано на основании одного-двух конкретных фактов. Что поделаешь, мы поставлены в такие условия. Нам не дано возможности производить эксперименты. Мы не можем формулировать законы резервации в лабораторных условиях. Мы узнаем их по ходу жизни. К большому сожалению. Хотя, надо отметить, что все принципы были открыты нами в первые же месяцы существования резервации. В последние годы мы ничего нового о резервации не узнали. Просто накапливаем статистику. Уточняем детали... Но, как ученый, я должен сказать, что нет никаких оснований думать, будто мы здесь застрахованы от ка-

кого-либо подвоха. Понимаете, что я хочу сказать? Конечно, прошли годы, люди привыкли к новым правилам жизни, но утверждать, что эти правила завтра не изменятся, нельзя. Это было бы глупо и ненаучно. Вы согласны со мной?

– Вполне.

– Ведь может случиться, – продолжал Ревич, – что завтра или послезавтра возникнет или откроется новый принцип. Или, допустим, обнаружится, что мы неправильно трактовали какой-нибудь из уже известных... Вы только представьте! Даже если в течение нескольких лет все стабильно. А стабильность-то может быть кажущейся.

Ревич допил чай и поставил пустой стакан на стол.

– Я вам должен сказать, Сережа, что могу болтать долго, – сообщил он, улыбнувшись. – Вы уж простите мне эту слабость. Здесь так редко доводится с кем-нибудь поговорить! Что вы... – Он всплеснул руками. – Это в первое время еще кому-то было интересно... Пытались что-то понять в этом абсурде. Это в первое время казалось, что резервация ненадолго, что она вот-вот исчезнет... Но прошел год, затем второй, и... – Ревич вздохнул. – ...И ничего не изменилось. Потом люди перестали задавать себе вопросы, на которые не получали ответов. Перестали себя мучить бесполезным ожиданием. Они сделали то, чему научились за тысячелетия более всего. Они привыкли! Вот и вы, – сказал Ревич грустно, – человек новый. Образно выражаясь, птица, сбита в лет. Вы, очевидно, полны решимости докопаться до истины, все здесь

перевернуть, бороться до конца и так далее, да?

– Пока я лишь пытаюсь разобраться в ситуации, – пробормотал Сергей.

– Да-да... – прикрыв глаза, произнес Ревич. – Конечно. Мне все это знакомо, Сережа. В резервации многие прошли этот путь, и я в том числе. К сожалению, финал одинаков. Смирение и успокоение, м-да...

– Рудольф Анатольевич, давайте вернемся к нарушениям четности, – мягко попросил Сергей.

– Да! – встрепенулся Ревич. – Отвлекся... – Он на мгновение задумался и взял в руки очки. – Рождение, смерть и гость снаружи, – проговорил он медленно. – В любом из этих случаев в резервации возникает ситуация нечетности. В первом и третьем случае такая нечетность называется «плюс-нечетность», во втором – «минус-нечетность». Ну, такая терминология.

– Ясно.

– Что такое Проход, как и Оболочка, никто не знает. Известен лишь его смысл. Это кратковременная дыра в Оболочке. И в соответствии с тем, какая возникла нечетность, они называются «плюс» и «минус-Проходами». Либо кто-то выходит наружу, либо кто-то умирает. В любом случае Проход тут же исчезает. Стабильность восстанавливается, поскольку восстанавливается четность

– Сколько времени существует Проход?

– Несколько часов, – сказал Ревич. – Это тоже почти неис-

следованная тема. А теперь вопрос: в каком месте Оболочки возникает Проход в каждом случае?

– Когда я вошел, – сказал Сергей, размышляя, – то как бы прорвал Оболочку в этом месте? Там, где вошел, – там и образовался Проход...

– Правильно. А когда в резервации кто-то рождается или умирает? В какой точке возникнет Проход, спрашивается?

– И в какой?

– В ближайшей к месту возникновения нечетности точке Оболочки. Где расстояние минимально.

– От места, где родился или умер человек?

– Да. Если от места возникновения нечетности провести воображаемый перпендикуляр к Оболочке, то точка пересечения как раз и определяет место, где должен образоваться Проход. В случае, когда в резервацию попадает человек снаружи, место нечетности и место образования Прохода, как вы понимаете, геометрически совпадают.

Ревич утих ненадолго, внимательно глядя на Сергея.

– Забавно... – пробормотал Сергей, отхлебнув чаю. – А если родится сразу двое или умрет двое? Ну, или любое четное число людей?

– Если это произойдет в течение короткого промежутка времени... Скажем, час или два... Тогда, конечно, резервация не успеет погасить нечетность самостоятельно. Никто не умрет. Четность устанавливается естественным путем. Примерно то же самое, если снаружи одновременно зайдет чет-

ное число людей. Голова еще кругом не пошла?

– Она у меня со вчерашнего дня кругом...

– Привыкнете, – успокоил Ревич и опять потер указательными пальцами веки. – Наливайте себе еще чайку, не стесняйтесь.

– Спасибо, я больше не хочу.

– А я, знаете ли, частенько... – Он налил себе еще стакан чаю и сделал несколько неторопливых глотков.

– А принцип однократности что значит?

– Ну, это просто. Суть в том, что человек, вышедший из резервации, уже не сможет в нее попасть обратно. То есть принцип полупроводимости на этого человека уже не действует, и он точно так же не может войти снаружи через Оболочку, как мы выйти изнутри.

– Это еще что за ерунда такая? – непроизвольно хмыкнул Сергей.

– Это не ерунда, – сказал Ревич, качнув головой, – а принцип однократности. Нравится он вам или нет. Человек, который вышел отсюда, становится для резервации словно меченый. Признаться, не самый плохой принцип.

– Меченый. Хм, – повторил Сергей. – Но почему?.. – Он грустно улыбнулся. – Это я риторически спросил.

– Ничего, ничего, – сказал Ревич и прижал стакан к груди, откинувшись на спинку кресла. – Я хорошо помню, как во мне все внутри протестовало против случившегося. И против того, что оно не поддавалось никакому объяснению! Но

время, знаете ли, лечит любые раны...

Ревич закрыл глаза и умолк. Казалось, что он погрузился в воспоминания.

– А связь? – спросил Сергей осторожно.

Ревич неторопливо открыл глаза.

– Что вы говорите?

– Ну, разве это не принцип? Телефоны не работают! Не просто так?

– А... Есть такое дело, – согласился Ревич. – Видите ли, это обстоятельство не имеет прямого отношения ни к принципу четности, ни к другим принципам. Это своего рода дополнительное ограничение нашего существования. Кстати, не работает не только телефон, но и все другие способы связи с внешним миром. Телевидение, радиосвязь, интернет... Ничего не работает.

– Минутку, – сказал Сергей непонимающе. – Я сам слышал вчера: телевизор работал!..

– Нет, Сережа, – печально улыбнулся Ревич. – Увы, но это была всего лишь запись. По договоренности с городскими властями нам периодически присылают видеозаписи. А здесь их крутят.

– Стало быть, изоляция? – медленно произнес Сергей.

– На то она и резервация.

– А почему бы тогда еще и не выключить воду? – пробормотал Сергей. – Или, скажем, не отменить законы Ньютона?

– Пути господни неисповедимы, – проговорил Ревич со

вздохом. — У нас еще не худший вариант, кстати. Вы понимаете, у каждой резервации ведь свои собственные принципы существования. И люди в них мучаются по-разному... Вы не слышали раньше о неапольской резервации? Или о мурманской?

— Рудольф Анатольевич, — сказал Сергей. — Плевать мне на Неаполь. Вы мне лучше скажите... Сегодня я услышал о существовании какого-то права на выход. Что это такое?

— Право на выход? — переспросил Ревич и вскинул брови. — А-а... Понимаете, наше общество поделено на две части: имеющие право покинуть резервацию и не имеющие. Не имеют, как правило, те, кто проживал здесь до момента образования резервации.

— Но ведь выйти отсюда практически нереально?

— Не забывайте, что есть типы нарушения четности, о которых мы говорили. Если искусственно создавать и контролировать такие ситуации, то все же кое-какой шанс появляется. Маленький, правда...

— Как это — создавать искусственно? — удивился Сергей.

— Вам и это не объяснили? — вскинул брови Ревич. — Дело в том, Сережа, что мы здесь по мере возможностей искусственно нарушаем четность, создавая ситуации плюс-нечетности.

— Берете сюда людей снаружи? Один заходит, другой выходит?

— Именно так.

– Простите, но какой дурак пойдет сюда?.. – пробормотал Сергей растерянно. – Да и какой в этом смысл? Число узников не меняется!

– Меняется, меняется... – вздохнул Ревич. – Вы просто не знаете самого главного. Мы берем сюда людей, которые должны умереть.

– Умереть? – переспросил Сергей, нахмураясь. – Почему это – должны?

– Нам доставляют людей, находящихся при смерти. С их согласия, разумеется. Как правило, это смертельно больные или умирающие, одинокие старики. А иначе – вы правы – в этом нет смысла.

Наступила тишина. Сергей был обескуражен, он был в очередной раз ошеломлен и сбит с толку.

– Это единственный наш шанс, к сожалению.

– Но... – начал было Сергей и снова озадаченно умолк.

– А поскольку все эти люди являются стопроцентными добровольцами, то их бывает крайне немного, как вы понимаете. Поэтому, если учесть, сколько человек в резервации претендует на возвращение, то шанс для каждого получается ничтожным.

– Как же эти шансы распределяются?

– Старым добрым способом, – ответил Ревич. – Жеребьевкой. Этим как раз и занимается отдел особого назначения. Учет и контроль ничтожного шанса. Это, конечно, не единственная сфера его деятельности, но, скажем так, основ-

ная.

– Так мне для этого присвоили номер? – догадался Сергей.

– И для этого тоже.

– И что мне с ним делать?

– Ничего не делать, Сережа, – со вздохом сказал Ревич. – Ваш номер – это лишь ваш шанс во время розыгрыша. Вы спросите у Кравеца. Про жеребьевку и про остальное... Мне, честно говоря, эти тонкости неизвестны и неинтересны. Очень уж напоминают мышиную возню. Хотите, можете молиться, чтоб жребий пал на ваш номер. Лично я не молюсь и давно ни на что не надеюсь. Слишком редко выпадают эти жеребьевки, чтоб из-за них не спать по ночам или вызывать к божьей милости.

Ревич замолчал, вдруг как-то съежился, шевельнул губами, потом быстро снял очки и стал тереть веки пальцами. Некоторое время они молчали. Сергей обдумывал услышанное и, наблюдая за библиотекарем, заметил, что Ревич несколько помрачнел.

– Вы здесь с самого начала? – поинтересовался Сергей спустя какое-то время. – Я так понимаю, что вы тоже неместный?

– Да... – тихо вымолвил Ревич и опустил голову. – С самого начала. Здесь почти все с самого начала. В основном сегодняшний состав резервации определился в самые первые дни. Знаете, город был так перепуган, что народ обходил эти

места за километр! В округе, я помню, перекрыли все движение, расставили по периметру полицию... Мы здесь метались под колпаком резервации, в городе метались вокруг резервации – в общем, паники было предостаточно.

– Когда это случилось?

– Восьмого июля исполняется четыре года, – произнес Ревич и сделал небольшую паузу. – Вот оно как. Своего рода вечность! А с другой стороны – мгновение. Я до сих пор прекрасно помню события тех дней. Весь ужас тех дней... Мда...

– Расскажите, Рудольф Анатольевич, – попросил Сергей. – Хотя бы вкратце.

– Отчего же... – сказал Ревич и погрузился на несколько мгновений в воспоминания. – Восьмого июля был тогда понедельник. Точное время возникновения Оболочки установить не удалось – известно лишь, что это произошло в ночь с воскресенья на понедельник. По крайней мере, утром, когда люди шли на работу, Оболочка уже функционировала и резервация как явление уже состоялась. А об этом еще никто не подозревал, представляете? Люди выходили утром на работу и скапливались на южной границе перед Магистральной. Они не могли выйти и ничего не понимали!.. Конторские, наоборот, шли на работу, словно в мышеловку. Постепенно стало доходить, что надо прекратить всякое передвижение, стали отчаянно выкрикивать предупреждения всем подходившим... Но почти половина служащих конто-

ры успела зайти. Потом они поняли, ринулись обратно... Ну, и началось. Крики, слезы, истерики... Местные, конторские – все вперемешку... никто ничего не соображает, все лихорадочно бегает вдоль Оболочки. Позже понаехала полиция, городские власти, военные. Они с той стороны толпятся, мы – с этой. Что делать, никто не знает. Все оцепили, с Москвой стали связываться, и пошло, и поехало!.. Это был сплошной кошмар! Неделю или больше люди просто ночевали возле Оболочки, жгли костры, дежурили, надеялись на что-то... Господи, Сережа, я никому не пожелаю такое пережить...

Ревич тяжело вздохнул, покачал головой, прервавшись на некоторое время. Он был слегка возбужден.

– А ведь нам еще повезло, – продолжил он. – Во-первых, дорога, проходящая через резервацию, была закрыта на ремонт. Вы понимаете, что было бы, если бы утром по ней пошли набитые людьми автобусы, а?! Сколько бы их здесь скопилось? Это же ужас... А во-вторых, повезло, что были каникулы и школа практически пустовала. Ведь сколько могло сюда попасть нездешних детей – это же представить страшно! Скажите, что может быть хуже несчастных детей?!

– А власти? – глухо спросил Сергей. – Они пытались помочь?

Ревич горько усмехнулся и стал покусывать дужку очков.
– Что они могли, господа!.. – произнес он угрюмо. – Если не понимаешь, с чем столкнулся? Пожалуй, только то, что и сделали. В первые же дни в срочном порядке протянули за-

граждение вокруг резервации, наставили в округе предупреждающих плакатов, дали объявления через средства массовой информации. Транспортер установили, стали доставлять продукты. Да что они еще могли? Уж я-то прекрасно знаю, что здесь были бессильны любые средства. Если даже физическая природа Оболочки осталась тайной за семью печатями! Понимаете? Приборы не зафиксировали никаких излучений – о чем тут можно говорить? Кого упрекнуть? А тем более, наша резервация была на тот момент далеко не первой, печальный опыт уже был. В том числе и в нашей стране. Результаты, как известно, повсюду нулевые. Конечно, первоначально понаехало и ученых, и журналистов, и разных чиновников. Даже военные прибыли. Пару недель ради приличия покрутились, поразводили руками, высказывали сочувствие, а потом все и утихло. С голоду умереть, дескать, не дадим, а как жить – решать вам! Вот и стали решать, когда поняли, что глупо и бесполезно питать иллюзии. Налаживать наши, так сказать, здешние институты. Создавать наш собственный регламент жизни. Так родились и жесткие медицинские правила, и регулярные сверки населения, и запрет на рождение детей, и все остальные наши прелести... Сначала это казалось дико, потом привыкли. Сначала дни считали, потом месяцы, а сейчас давно никто ничего не считает. Смирение и покой. Даже к жеребьевкам стали без дрожи относиться.

– А хоть какие-то попытки истолковать это явление бы-

ли? – спросил Сергей.

– Конечно, конечно, – согласно закивал Ревич. – Над этим думало очень много людей. И ваш покорный слуга был в их числе. Гипотез было множество. К сожалению, они так и остались гипотезами. Даже среди ученых не было единой точки зрения. Мы потерпели абсолютное фиаско, Сережа! Мы наивно пытались понять то, что изначально нам не было дано понять. Мы просто долгое время стыдились в этом признаться и обманывали самих себя. Я говорю сейчас об официальных позициях, когда еще существовали наши правительственные комиссии. Если вы в то время следили за этим, то должны помнить... Разные комиссии были. И по резервациям, и по цветным излучениям, и другие... Э-хе-хе... – Ревич сокрушенно покачал головой. – Не было и, видимо, не будет никакой официальной версии. А для себя каждый может сам придумать ту гипотезу, которая ему больше нравится. Если ему, конечно, от этого полегчает.

– А вы, Рудольф Анатольевич, – осторожно поинтересовался Сергей, – какую для себя выбрали гипотезу?

– Никакой, – вымолвил Ревич. – Я же ученый, понимаете меня? Через мою голову прошло столько версий... А когда я понял, что мы окончательно зашли в тупик, то вообще стал к ним равнодушен. В резервации очень по-разному воспринимают то, что происходит. И вам, Сережа, тоже придется самому выбрать, как относиться ко всему этому. Кто-то пытается привлечь для объяснения все мыслимые науки, кто-то

религию, кто-то потусторонние силы... Кто-то вообще никак на этот счет не думает. Смирился, привык и живет себе потихоньку. Знаете, вы обязательно найдите себе тут друзей, обязательно!.. Иначе будет очень тяжело, поверьте. Или займитесь каким-нибудь делом. Найдите отдушину. Только не скатывайтесь в пьянство... А это здесь элементарно. Даже не заметите.

– Если не секрет, – спросил Сергей, – какую отдушину нашли вы?

– Ну что вы, – вздохнул Ревич. – Признаться, я мало общаюсь с людьми. Все больше с книгами. С ними, знаете ли, проще и лучше. Они мудрее и постояннее. А кроме того, я сам пишу книгу. Ну, скажем так, пытаюсь. Историю нашей резервации. И предысторию тоже.

– Вот даже как... Интересно.

– Просто однажды я почувствовал, что обязан это сделать. Потому что, если это не сделаю я, то никто не сделает. Здесь же никому нет дела ни до чего, кроме самого себя. Я не могу себе позволить, чтоб наша жизнь здесь ушла в забвение. Я не верю, что потом это никому не будет интересно. Да, честно говоря, я не жду никакой благодарности за свой труд... Не мешают, и на том спасибо...

– Значит, со всем остальным вы смирились?

– А что мне еще делать?.. С чем бороться? С ветряными мельницами?

– Скажите, а ваша семья далеко? – спросил Сергей и тут

же пожалел.

Ревич посмотрел на Сергея, что-то изменилось в его лице, он заморгал и отвернулся к книжному стеллажу.

– Они все в Подмосковье... – хрипло произнес он. – И жена, и дети. Сын такой же, как вы. Антоном зовут. Внучка Настя, ей уже шесть лет... Младшая – Леночка, ей уже двадцать пять... Замуж вышла, пока я тут... Сына родила. А я его даже не видел. Внук... Вы понимаете? Не видел! Боже мой!..

Голос его задрожал. Он по-прежнему не поворачивался.

– Я Ольге столько раз говорил, чтоб не приезжали... – говорил он полусшепотом. – Все равно приезжают. На сердце сразу становится так больно! Я их отговариваю, а сам жду, жду... И больно, и без них еще хуже... – Он тяжело вздохнул всем телом. – Иногда я думаю, вдруг когда-нибудь... В один прекрасный день Оболочка исчезнет, все кончится, а я не доживу... Понимаете, просто не доживу! Мне уже шестьдесят восемь. А сколько нам тут еще барахтаться? Может быть, это навсегда. Представляете? Навсегда!..

– Ну что вы, Рудольф Анатольевич... – смущенно пробормотал Сергей. Ему стало неловко оттого, что он завел разговор в такое русло. – Вдруг вам повезет...

– Мне никогда не везло в лотереях. – Ревич повернулся к Сергею с поджатыми губами. Глаза его были влажными.

– Мне тоже, – проронил Сергей.

Настроение Ревича заметно упало. Библиотекарь сидел,

понуру откинувшись в кресле и слегка прикрыв глаза. Сергею показалось неуместным спрашивать сейчас его о чем-нибудь еще, и он встал.

– Спасибо, что уделили мне время, – проговорил Сергей. – Я пойду.

– Вы не обращайтесь на меня внимания, – оживился Ревич. – Вы же наверняка узнали не все, что хотели. Вы спрашивайте, ради бога!

– Нет-нет, я пойду, – торопливо сказал Сергей. – Еще раз спасибо. Я обязательно еще зайду.

– А вы заходите ко мне домой, – с готовностью предложил Ревич. – Я вам покажу свою рукопись, если интересно. Я буду только рад. Да и у вас еще будут вопросы, я по себе знаю. Я живу в четырнадцатietàжке, в шестьдесят первой квартире на восьмом этаже. Запомните?

– Хорошо, я запомнил. До свидания.

– Приятно было познакомиться.

Сергей вышел из прохода между книжными стеллажами. Библиотекарь неподвижно сидел в своем кожаном кресле, и взгляд у него был печальный и потухший.

Налет грусти остался в душе Сергея после разговора. И зачем я только спросил его о семье, подумал он невесело. Выбил, наверное, человека из колеи на весь день. Он рассудил, что больница не рухнет, если он сначала зайдет домой и примет душ, и направился на свою новоиспеченную квартиру.

Дома он обнаружил, что напрочь отсутствует горячая вода. Кран глухо ворчал и дрожал, а затем немного сплюнул в ванну и успокоился. Понадеявшись, что это все-таки не проски резервации и что вода, может быть, вот-вот появится, Сергей протопал в свою комнату и бухнулся на раскладушку. Спать не хотелось совершенно. Он лежал несколько минут, прокручивая в голове то, что удалось узнать за сегодняшнее утро. Потом встал и подошел к окну.

В некотором отдалении от дома, перед самой железной дорогой простиралась длинная узкая гряда картофельных участков. За путями высился все тот же бесконечный лес. И мне придется наблюдать этот пейзаж неизвестно сколько лет, мелькнула мысль. Или десятилетий? Нет, об этом лучше не думать! Он даже встряхнул головой, чтоб прогнать эту мысль. Тут взгляд его упал на черную тетрадь, которую Галушко вчера положил на подоконник. Что он там такого про нее наговорил? Какая-то робинзонада, да и только... Сергей хмыкнул, взял тетрадь и пролистал. Первые несколько страниц содержали какие-то непонятные рисунки, схемы, столбцы цифр. Затем с чистого листа начиналась рукопись. Почерк был мелкий, убористый, но понятный. В некоторых местах страницы оказались слегка подпорчены влагой. Почитать, что ли, подумал он. Черт с ней, с этой водой и с этим медосмотром! Завтра схожу.

С тетрадью в руках он снова повалился на раскладушку, нашел начало рукописи и стал читать.

«Я, Манаев Иван Константинович, командир экипажа грузового вертолета МИ–8, бортовой номер НА–32275, сегодня 20 мая 199... года, семнадцать часов пятнадцать минут. Я решил, насколько это у меня получится, описать в этой тетради все, что произошло с нами, начиная со вчерашнего дня. Буду записывать в перерывах на отдых, пока есть силы. Я все время таскал в своей сумке эту тетрадь. Просто привычка иметь запас бумаги на всякий случай. Вот и пригодилась. Если мне не суждено выбраться из этого злополучного леса и болот, то, может, хоть мои записи когда-нибудь попадут к людям. Я понимаю, что шансов на это практически нет, но все равно... Вдруг повезет. Буду надеяться.

Не стану подробно рассказывать о том, что было до полета. Тому есть свидетели – зачем зря тратить силы и время? Если в двух словах, то сначала меня вызвал Медведев и представил мне этого замкнутого сухощавого человека по фамилии Холодов. Ну, состоялась у нас краткая беседа. Надо так надо, сказал я тогда. Почему не помочь, тем более раз такое дело. С ребятами я поговорю, слетаем. Правда, Ткачук приболел, но можно и без бортмеханика, в конце-то концов. Конечно, в глубине души мне тогда что-то не понравилось в этой затее. Не то скоропалительность, с какой возник этот московский тип и стал просить нас о помощи, не то само время суток, не то еще что... Может, интуиция – не знаю. Я тогда единственное, что спросил: может, гово-

рю, лучшие – с утра? А то кто знает, сколько кружить придется. Холодов аж обомлел и глазами захлопал: да что вы говорите, мол, такое! Каждый час, каждая минута дорога! До завтрашнего утра, может, говорит, все уже исчезнет. Как вы можете этого не понимать и все такое, значит. Я только плечами пожал. Это ваше дело, говорю, я ж не отказываюсь, а просто спрашиваю. Почему я должен что-то понимать в ваших загадочных явлениях? Это, дескать, ваша работа – понимать, а наше дело – летать. Хотите лететь прямо сейчас – пожалуйста. Только, говорю, если темнеть начнет, все равно придется возвращаться. Да успеем, замахал руками этот белобрысый. Он даже весь дрожал от нетерпения. Странные они все-таки, люди из этих комиссий. Наверное, от постоянного общения с разными тайнами такими становятся. Молчаливые, законспирированные до ужаса. И с военными почему-то предпочитают не связываться. И полномочий вроде хватает, о таких полномочиях, если говорить откровенно, другим чиновникам лишь мечтать приходится. А все одно, без нас, простых исполнителей, никуда... Чудно, в общем. Короче, после того переговоров я с ребятами. Медведев, говорю, конечно, не приказывает, а просит. Но помочь-то все равно придется. Всю плешь потом проедят: почему не оказали содействие члену правительственной комиссии? Зачем нам это нужно, правильно? Да и не отстанут все равно... Придется, одним словом, помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.